

Анатолий Долженков

ОХОТА НА БЕСА

Парапсихологический детектив

Анатолий Долженков

**Охота на Беса.
Парапсихологический детектив**

«Издательские решения»

Долженков А. Ф.

Охота на Беса. Парapsихологический детектив /
А. Ф. Долженков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839051-7

Герой романа заурядный человек, ведущий размеренную монотонную жизнь обывателя, попадает под воздействие странного атмосферного явления, вызвавшее у него проявление сверхчеловеческих парapsихологических способностей. Герой ощущает себя настолько могущественным, что он в состоянии потеснить сильных мира сего. В городе он стал известен, как Рыночный Бес. К поимке неуловимого монстра подключаются силовики и служба безопасности олигарха, на чье материальное благополучие он покусился.

ISBN 978-5-44-839051-7

© Долженков А. Ф.
© Издательские решения

Охота на Беса

Парасихологический детектив

Анатолий Филиппович Долженков

© Анатолий Филиппович Долженков, 2017

ISBN 978-5-4483-9051-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Он проснулся от собственного стога. Ручейки холодного липкого пота, зарождающаяся у корней волос, тонкими струйками стекали по лицу, вызывая неприятный озноб во всем теле. Кошмарный сон возвращался, стоило ему сомкнуть веки. Всякий раз он повторялся в мельчайших подробностях, поражая однообразием с пугающей последовательностью. Он видел себя не спеша идущего по центральному проспекту родного города. Несколько минут неторопливой прогулки, и он у трёхэтажного здания главпочтамта. Восемь лет назад на одной из его стен с торжественной помпой, установили огромные настенные часы. Так распорядился городской совет. Будучи, едва ли не самой главной достопримечательностью областного центра, они сразу же обозначились как некий символ города. По истечении каждого часа, огромный часовой механизм выплёскивал в уши пешеходов браваурную мелодию, написанную местным композитором-энтузиастом по случаю первого празднования дня города. При звуках торжественного гимна прохожие, задрвав вверх головы, замирали, вслушиваясь в гулкие металлические перезвоны. Было очевидно, что для них это явление не стало будничным и обыденным. Местные куранты пользовались не меньшей популярностью у населения, чем те, которые установлены на Спасской башне Кремля.

Он останавливался у главпочтамта, и смешивался с толпой, вслушиваясь в гулкие металлические перезвоны. Первый болезненный толчок, зародившийся где-то глубоко в недрах кишечника, он ощущал при последних аккордах музыкального шедевра. Рези лавинообразно нарастали, становясь вскоре непереносимыми. Корчась от болей, он время от времени замирал, опасаясь резкими движениями усугубить страдания. Через минуту-полторы боль утихала, сменяясь симптомами менее болезненными, но крайне неприятными по своим физиологическим проявлениям. В глубинах его чрева бушевал настоящий вулкан. Спазмы разрывали живот. На самом пике событий он просыпался от собственных стонов или толчков жены, разбуженной сдавленными криками.

В этот раз он проснулся, тяжело дыша, словно после многокилометрового марафона и испуганно осмотрелся, пытаясь унять неприятную дрожь в коленях. Судорожно смахнув тыльной стороной ладони пот со лба, некоторое время неподвижно сидел, приходя в себя и настороженно прислушиваясь к звукам, издаваемым организмом. Наяву тот работал как часы, без сбоя и видимых расстройств. Кресло, в котором он заснул, было неудобным и скрипучим. Много лет прослужило оно в городской квартире и теперь доживало свой век здесь, в маленьком домике на садовом участке. А что ещё люди вывозят на дачу? Старые ненужные в городской квартире вещи. Всякий хлам. Спальный гарнитур, куда входило и это кресло, они с женой приобрели ещё в далёкие студенческие годы, в самом начале супружеской жизни. Очень кстати пришлось деньги подаренные родственниками на свадьбу. Казалось святотатством снести старое кресло на свалку. В их понимании такой поступок был равносителен окончательному перечеркиванию уже и так блекнувших воспоминаний молодости. От долгого сидения

в неудобной позе, левая рука занемела и противно ныла. Сжимая и разжимая пальцы кисти, он восстановил кровообращение, избавившись, наконец, от неприятного ощущения.

За окном бушевала непогода. Порывистый ветер трепал молоденькую яблоньку, пригибая её тонкие ветви к земле. Дождь толстыми косыми струями барабанил по стеклу. Ухудшение погоды всегда вызывало у него сонливость. Человек лениво закурил, разгоняя остатки сна. «Всё что Бог даёт – к лучшему, – философски отметил он про себя, испытывая явное облегчение». Намеченный на завтрашний день объём работ по дачному участку можно отложить без всяких угрызений совести. Непогода перечеркнула все планы. Впрочем, почему все? В перечне работ намечался, в том числе, и полив участка. Теперь эту позицию можно было зачесть в актив. Дождь работал на славу.

Мужчина, лениво потянувшись, глубоко вздохнул. Воздух комнаты небольшого дачного домика, построенного им много лет назад вместе с покойником отцом, был насыщен устоявшимися запахами и звуками. Пахло травами и старыми вещами. На стене монотонно отсчитывали секунды, доставшиеся по наследству от родителей ходики с кукушкой; время от времени тархтел то, включаясь, то, выключаясь, древний холодильник «Тамбов».

Какое-то время мужчина неподвижно сидел, грузно откинувшись на высокую спинку кресла, приходя в себя от неприятных ощущений, пережитых во сне. Сколько раз он пытался анализировать природу возникновения мучивших его кошмаров. Напрасный труд. Как специалист с высшим медицинским образованием он понимал – сны являются логическим продолжением активной жизни, каждого прожитого им дня. Чувства, пережитые человеком наяву, они ведь никуда не исчезают. Страх, волнение, радость, горе, тревога, обеспокоенность, вся эта многополярная и противоречивая гамма эмоций находит отражение во снах в виде законченных действий. Иногда, сновидения разумны и понятны, но чаще они дики, несуразны, и лишены здравого смысла. Человечество испокон веков трактовало сны как высшие, недоступные познанию разумом откровения. Их признавали вещими или пророческими, определяющими судьбу и будущее человека, его близких. Немало наблюдательных ловких людей, сделали толкование снов своей профессией. Они тонко чувствовали состояние психики человека, прибегнувшего к их услугам, и с большой для себя выгодой пользовались этим. Для них не составляло большого труда довольно точно определить причину тревог и волнений «клиента», с большой степенью достоверности прогнозировать развитие событий, облачая их в витиеватую форму предсказаний.

Считая себя искушённым психологом, он справедливо полагал, что знания, приобретенные в медицинском ВУЗе, плюс бесценный многолетний опыт, накопленный за время практической работы в системе здравоохранения, ставят его на голову выше окружающих. Да, именно это помогло ему занять более – менее стабильное место в суетной жизни. Ровный и спокойный в отношениях с коллегами и начальством, он не пытался выслужиться, довольствуясь скромным местом рядового врача в районной больнице. Нелегко решать проблемы то и дело возникающие на тернистом жизненном пути, но у него получалось. Если бы не ночные кошмары. В последние дни они выбивали его из привычной жизненной колеи, не поддаваясь ни диагностированию, ни какому-либо разумному толкованию.

Жена, проконсультировавшись с всезнающими соседками по поводу недомогания мужа, настаивала на присвоение снам статуса вещей, а значит сулящих перемены в жизни. В вещие сны он не верил, но понимал – с ним происходит что-то неординарное. «Что это? – в очередной раз задавался он вопросом, – последствия нервного срыва или скрытый, подтачивающий здоровье недуг, проявляющийся таким вот необычным способом. Сновидения были странными, непонятными, а потому пугающими. Одни и те же мысли – попутчики неосознанного страха, постоянно копошились в голове. Надоело. А куда от них денешься? Причин для нервных срывов не было. Жизнь текла по накатанной колее гладко, без стрессов и ненужных эмоций.

Рука, непроизвольно потянувшаяся за очередной сигаретой, замерла в нескольких сантиметрах от заветной пачки. Сорок ваттная лампочка, вспыхнув ярким светом, погасла. Комната погрузилась во тьму. Мужчина с трудом выбрался из кресла и подошёл к окну. Ветер усиливался. За окном стемнело так, что он с трудом различал смутные силуэты деревьев. Свет в доме у соседа горел. Понятно, неисправность была где-то в его хозяйстве. Мужчина стоял, напряжённо вглядываясь в чернильную темноту лениво пытаясь угадать причину отключения света. Наконец, при очередной вспышке молнии, он заметил оборванный веткой яблони провод, извивающийся под непрекращающимися порывами ветра. Ветку он собирался отпилить уже давно, да как-то руки не доходили. Винить, выходит, некого, кроме себя самого.

Часы показывали девять часов вечера. Устраиваться на ночлег было рано. Обычно он предпочитал укладываться в постель не раньше двенадцати. Но, и в темноте долго не просидишь. С другой стороны, мокнуть под проливным дождём тоже радости мало. Что же делать? После недолгих колебаний и сомнений, он все же решил устранить неисправность. На ощупь нашёл пассатижи, накинул на плечи дождевик и вышел за дверь, освещая путь фонариком. Провод оборвался у самого электрода, тускло белеющего высоко под крышей дома. Без лестницы туда не добраться. Несколько минут ушло на процедуру изъятия четырехметровой лестницы из сарайчика и установления её в нужном для ремонта положении. Сам ремонт большой сложности не представлял. Необходимо было подтянуть оторванный кусок провода к электроду, зафиксировав его прихваченным для наращивания куском проволоки. Проблема заключалась в ином – провода были под напряжением и в сырую погоду представляли немалую опасность. Впрочем, надёжно изолированные рукоятки пассатижей позволяли не опасаться удара током. Крепко зажав оборванный провод, он медленно поднялся по лестнице, установив фонарь в удобном для работы положении. Теперь место ремонта было равномерно освещено, и можно приниматься за дело.

Первые смутные симптомы тревоги он ощутил, когда работа близилась к концу. Чувство близкой опасности порождало чье-то чужое, пугающее присутствие. Медленно повернув голову, мужчина осмотрелся. Неестественной голубизны шар, размером с баскетбольный мяч, висел в воздухе метрах в трёх от его головы. Шар пульсировал, мерцая мягким матовым светом. Время от времени по его выпуклой поверхности скользила лёгкая белая дымка, усиливающая мерцание. Человек зачарованно смотрел на необычное природное явление, не в силах пошевелить пальцем. Тело его обмякло, рука непроизвольно разжалась и пассатижи, гулко ударяясь о ступеньки лестницы, загрохотали в низ. Шар отреагировал на шум как разумное живое существо. Он вздрогнул и плавно опустился к самой земле, освещая мертвенным голубым светом небольшой участок бетонной дорожки. Пассатижи лежали у левой опоры лестницы. Шар завис сантиметрах в двадцати от земли, и, казалось, внимательно исследовал предмет. Процедура продолжалась несколько секунд, после чего голубой прищелец возвратился на прежнее место. Мужчина, не в силах отвести заворожённого взгляда от шара, с изумлением отметил, что перестал ощущать вес собственного тела. Страх не было, только вялость и равнодушие. Мышцы, скованные неведомой силой, окаменели. Мысли путались, очень хотелось спать. Из недр шара к неподвижному человеку пробивался тонкий красный луч, двигаясь размеренно и неторопливо. Ощупав каждый сантиметр тела, луч исчез так же внезапно, как и возник. С шаром происходили невероятные изменения. Он уже не мерцал ровным однообразным светом. Цвет его менялся на глазах. Мягкий светло-голубой тон сменился синим, затем тёмно-синим цветом и, наконец, шар превратился в тёмно-серый комок. Возобновилось мерцание, нарастающее с каждой минутой. Теперь шар пульсировал, с каждым движением увеличиваясь в объёме. Его мерцание достигло апогея. Низвергаясь разноцветными каскадами снопов света, шар неумолимо сближался с застывшей человеческой фигурой. Вот он уже совсем рядом у лица мужчины, ещё ближе, ещё... И, наконец, наступило мгновение, когда человек и шар слились в единый сверкающий эллипс.

Вера Ивановна Кондакова, в миру, баба Вера, жила в Петрушовке столько, сколько себя помнила. А если говорить точнее, то с самого дня своего рождения. Какая жизнь в деревне? Крутишься, весь день по хозяйству, про себя забываешь. С раннего утра со скотиной возишься потом сад-огород. В доме прибраться тоже надо, не то грязью зарастёшь. Да мало ли дел у сельского жителя в личном хозяйстве? Плюс работа, а она на селе не из лёгких. Труд же доярки – вообще каторга. А дояркой баба Вера отработала, считай, тридцать лет. День в день с петухами вставала, с ними же и ложилась. Как на пенсию вышла, забот поменьше стало. Дети разлетелись в разные стороны, сами себе на жизнь зарабатывают в городе. Бывало, случалось, и ей помогали в силу своих финансовых возможностей. А много ли одинокой пенсионерке надо? Как деда схоронила, столько живности, сколько держала прежде, стало без надобности. Первой отправилась на бойню старая корова, не стало свиней, исчезли с подворья гуси. Оставила два десятка кур на яйца с красавцем петухом да столько же уток на тот случай, чтобы было, чем стол накрыть. Мало ли что. Дети из города нагрянут, внуков привезут на каникулы. Чем кормить? А так, пожалуйста, на первое время есть и мясо и яйца. Времени свободного образовалось, хоть отбавляй.

Сельская жизнь текла вяло и однообразно. Зато рядом, в километре от Петрушовки, она была ключом. Здесь на месте непригодном не только для земледелия, но и для пастбищ, разместился дачный кооператив. Баба Вера помнила как долго, и нудно шли переговоры о выделении земли под дачные участки. Видела, сколько начальства приезжало уламывать председателя колхоза, обещая за ненужный, в общем-то, хозяйству кусок земли всякие льготы. И с закупкой удобрений обещали помочь, и с уборкой урожая, на что никогда не хватало рабочих рук. Но самый веский аргумент, собственно и склонивший чашу весов в сторону выделения земли под кооператив, было обещание наладить дороги. В заманчивую перспективу поверили оба председателя – и колхоза и сельсовета, поскольку понимали простую жизненную истину, дачные участки не только для рабочих пробивались. А начальство гробить дорогие машины по сельским колдобинам не станет. Имелись и другие причины покладистости сельских руководителей. Село медленно, но уверенно вымирало. Молодёжи почти не осталось. Все норовили уехать в город. Оно и понятно, труд каторжный, а заработков никаких. Дачники же, они как бы удлиняли жизнь села, делали её привлекательнее. А как же? Из города люди приезжают, неделями живут, отпуска проводят. А пенсионеры, те и вовсе зимуют. Веский аргумент для селян, колеблющихся в непростом выборе. Полюбуйтесь, люди из города бегут на природу, а вы в каменные дебри рвётесь непонятно зачем.

У бабы Веры к дачным участкам был свой интерес, коммерческий. Она продавала дачникам рассадку овощей, которые сама же и выращивала в небольшой тепличке за домом. Те с удовольствием покупали её товар, получая в качестве бесплатного довеска массу ценнейшей информации, подробно записывая в клетчатые тетрадки азы растениеводства. Советы были самые, что ни на есть полезные: что, как и когда лучше выращивать на грядках, чтобы получить нормальный урожай; как и когда правильно обрезать ветки деревьев; какими средствами сподручнее бороться с вредителями садов полей и огородов. Со многими дачниками баба Вера сдружилась и частенько заходила просто так «поболтать за жизнь».

В тот памятный день она принесла рассадку цветов, которую давно уже обещала одной из дачниц, задержавшись в гостях дольше обычного. Вначале помогала хозяйке правильно высадить рассадку, затем они долго пили чай и вели бесконечные бабские разговоры о том, о сём. Спыхватились, когда небо уже заволокло тучами, грозившимися вот-вот разразиться проливным дождём. Баба Вера спешно собралась и, быстро простившись с гостеприимной хозяйкой, пустилась в обратный путь мелкой старческой трусцой. Ливень настиг её у крайних дач. Идти дальше под секущим холодным дождём было невозможно. Дорожная глина расплзалась под ногами, цепляясь огромными коричневыми комками за подошвы стареньких

туфель. Промокнув до нитки, женщина бросилась искать убежище, где бы могла укрыться от разыгравшейся не на шутку непогоды. Небольшой спасительный навес из полиэтиленовой плёнки, провисшей под тяжестью скопившейся воды, обнаружился совсем рядом. Укрывшись, женщина решила переждать грозу здесь, разумно рассудив, что дождь этот не навсегда и когда-нибудь всё же прекратится.

Она томила под навесом уже довольно долго. Время шло, а дождь не прекращался. Даже наоборот, усилился. Всякий раз, вздрагивая при очередном гулком раскате грома, сопровождающегося ослепительной вспышкой молнии, она нервно крестилась, зябко поёживаясь, с тоской осозная, что канитель эта, по всей вероятности, закончится не скоро. Сильный ветер чувствительно пронизывал старческое тело через промокшую одежду. Очередным его порывом согнутая почти до земли молоденькая яблонька оборвала электрический провод, тянувшийся от столба к электродам. Свет в доме погас. Спустия какое-то время скрипнула дверь, на пороге появился мужчина, укутанный в дождевик. В мужчине баба Вера признала хозяйина дачного участка. Женщина продрогла окончательно и решила сразу же по окончании ремонта попроситься переждать непогоду под крышей. Необходимо было согреться да подсушить одежду у камина, чтобы, не дай Бог, не захворать. Болеть ей никак было нельзя.

Мужчина, стоя на лестнице, всё ещё возился с оборванным проводом, когда внимание старушки привлёк необычный голубой шар, медленно выплывающий из-за деревьев. Некоторое время он бесшумно парил в воздухе, затем направился к человеку на лестнице, зависнув над землей метрах в трёх от его головы. Человек на лестнице обернулся, зачарованно глядя на пульсирующий шар. Со стороны казалось, что шар действовал на него гипнотически. Мужчина обмяк, ссутулился. Непроизвольно разжавшаяся рука выпустила инструмент и тот, цепляясь за лестничные ступеньки, загрохотал вниз. Баба Вера с удивлением заметила, что этот маленький инцидент вызвал интерес у голубого пришельца. Шар медленно опустился к месту падения предмета, обследовав его тонким красным лучом, как по волшебству возникшим из глубины его недр. Металлический предмет видимо не вызвал у шара большого интереса и он вернулся на прежнее место. Теперь красная точка уже скользила по телу мужчины, ошупывая каждый его сантиметр. Движения луча становились быстрее и хаотичнее. Шар мерцал, постоянно меняясь в цвете и, когда пульсация достигла апогея, сорвавшись с места, ринулся на мужчину, неподвижно стоящего на лестнице. Мгновение и они слились в единый сверкающий эллипс. Шар поглотил человека, приняв его форму и не переставая мерцать. Огромный сверкающий кокон, внутри которого смутно различалась, напоминающая эмбрион человеческая фигура, подобно пресыщенному удаву мягко опустился к подножью лестницы.

Баба Вера, парализованная ужасом, опустилась на четвереньки и, мелко крестя морщинистый лоб, осторожно отползала от проклятого места, стараясь, не дай Бог, не привлечь внимания пожирающего людей шара. Не ощущая: ни ветра, ни луж, ни колючих кустов крыжовника, больно царапающих тело даже через одежду, она проделывала путь к спасению способом, считавшимся в живой природе пригодным разве что для класса ракообразных. Толстый зад с прилипшей к нему мокрой цветастой юбкой подобно могучему ледоколу рассекал культурную растительность, колышась над кустами, словно яркий поплавок на рябой поверхности зеленого водоёма. Выбравшись на дорогу, старушка не без труда приняла вертикальное положение, рванув в сторону родного села с прытью, которую только могли позволить развить её подагрические ноги. Оглядываясь на дачный поселок, она всякий раз мелко крестилась, дав себе клятву, что если живой и здоровой доберётся домой, то никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не откроет ужасную трагедию, свидетелем которой ей поневоле пришлось стать.

Сознание медленно возвращалось. Голова раскалывалась от дикой, ломящей виски боли. Болела и противно ныла каждая мышца тела. С трудом открыв глаза, он обнаружил себя лежа-

щим на бетонной дорожке, ведущей от домика к бытовым постройкам в глубине сада. Справа, на расстоянии вытянутой руки, стояла приставленная к стене дачного домика деревянная лестница. Яркое солнце слепило глаза. Осторожно пошевелил правой рукой. Она двигалась, это уже хорошо. Рядом, в траве у края дорожки, лежали пассатижи.

– Сосе-е-ед, ты где прячешься? – услышал он рядом знакомый голос и гулкий топот сапог. – О Господи! – он увидел склонившееся над собой озабоченное лицо Павла Григорьевича Огородникова, соседа по даче. – Что с тобой? Ты жив? Слышишь меня?

– Слышу, – прохрипел пострадавший чужим голосом. – Помоги подняться.

– Сейчас. Обними меня за шею. Нет, не так.... Обеими руками.... Вот, вот... Осторожнее.... Теперь тихонечко поднимаемся.

Обхватив обеими руками могучую шею Огородникова, он попытался сесть. Резкая боль, зародившаяся в позвоночнике, кинжальным ударом пронзила все тело. Он застонал. Сосед испуганно замер, остерегаясь неосторожным движением повредить пострадавшему.

– Может быть тебя нельзя кантовать? – тревожно спросил Павел Григорьевич.

– погоди. Отдышусь, ещё раз попробуем, – хрипел страдалец, ощущая противную слабость во всём теле. Лоб покрылся липкой испариной. Руки дрожали. Постоянно бросало то в жар, то в холод. – Давай ещё?

Прошло не менее получаса, прежде чем мужчине удалось взгромоздить на короткую садовую лавочку, вкопанную в землю впритык к стене дома.

– С тобой всё в порядке? – не сводил беспокойного взгляда с соседа Павел Григорьевич. – А я вышел, смотрю, дверь нараспашку и никого нет, – не дожидаясь ответа, скороговоркой продолжал он, – Что случилось-то?

– Не помню, – с трудом выговаривая слова, ответил пострадавший.

– Может быть скорую помощь вызвать? Мало ли, что...

– Не стоит... Мне уже немного легче.

– Отдохни. Приди в себя. Вот так тебе будет удобнее, – пророкотал Огородников, приклонив соседа спиной к стене дома. – Ты можешь вспомнить, что с тобой случилось?

– Да, – он вдруг отчётливо вспомнил вчерашний вечер: грозу, непрекращающиеся порывы ветра, – помню. Сильный дождь. Ливень. Веткой яблони оборвало провод и....

• Вот оно что? То-то я удивился, свет у тебя рано погас. Ты ведь раньше двенадцати в постель не ложишься.

– Я решил не ждать до утра с ремонтом. Быстро обнаружил обрыв. Дело показалось пустяковым. Одна трудность – электроды у меня высоко, под самой крышей. Пришлось тащиться через весь сад за лестницей. Помню, заканчивая ремонт, почувствовал себя плохо....

– По всему выходит, током тебя ударило. И ты с лестницы кувыркнулся вниз на бетонную дорожку.... Всей своей массой.

– Скорее всего, так оно и было, – согласился травмированный.

– Так ведь высота-то какая? Метра два с половиной – три будет. А в низу цемент. Мог и головой.... И руки – ноги повредить очень даже запросто.

– Да цело всё. Были бы переломы, вряд ли ты меня на лавку бы поднял. Перелом нельзя не почувствовать. В этих делах я кое-что соображаю. Можешь поверить мне на слово.

– Соображаешь? После того как головой об бетон? Будет ли после такого удара соображалка работать? Так что ты теперь не медик, а инвалид. Здесь настоящий врач нужен. Травматолог.

– Что-то я перестаю понимать, кто из нас с лестницы упал, я или ты? Травматологи в крупных городах водятся. Там их ореол обитания....

– Не скажи. Квалифицированные врачи, они не только в человеческих внутренностях, но и на грядках поковыряться любят. Снять, так сказать, профессиональный стресс. Для разнообразия, что ли? А, может быть, им надоедает всё время что-то там лишнее удалять. Хочется

наоборот, что-нибудь посадить и вырастить. Когда дачные участки распределялись, их столько втиснулось, что при дачном кооперативе можно открыть маленькую поликлинику. Было бы желание. Кое с кем я лично знаком. Обретается тут недалеко на Яблоневоу улице один старичок. Пенсионер. Говорят, в прошлом, неплохой хирург был. Я быстренько сгоняю, приведу его.

– Валяй. Только аппарат не забудьте прихватить.

– Какой аппарат?

– Известно какой. Рентгеновский. Возможно, он у него в погребке стоит.

– Понятно. Если шутишь, значит, жить будешь, но не долго.

– Это почему же?

– А потому. Экстремал ты у нас, вот, что я скажу. В дождливую погоду с железными пассатижами и медицинским образованием, имеешь привычку с оголёнными проводами экспериментировать. Ну да ладно. Как говорится, не обсуждается. Жди, я скоро обернусь.

Вернулся он быстро и не один. За ним, явно не поспевая, семеня маленький, сухонький старичок в клетчатой ковбойке и джинсах. Не трата время попусту, врач сразу же приступил к осмотру.

– Как Вы себя чувствуете? – быстро пробегаю пальцами по ноющему телу, поинтересовался он. – Где беспокоит?

– Всё тело ноет, доктор, – болезненно поморщился пострадавший.

– Странно, – задумчиво почесал нос старый доктор. – Видимых повреждений незаметно. Даже мельчайших ссадин на голове и теле нет. Сердечко не беспокоит?

– На сердце никогда не жаловался.

– Выходит и сердечный приступ мы исключаем. Что же всё-таки произошло? – задумчиво пробормотал доктор.

– Как всё произошло? – обернулся к Огородникову.

– Я так предполагаю, доктор, током его садануло. Он, видите ли, в проливной дождь, в тёмное время суток, решил вплотную электрическими работами заняться.

– Током говорите? – с сомнением в голосе протянул тот, внимательно рассматривая руки пострадавшего. – Очень может быть... Впрочем, нет. Не похоже что-то. Ожогов и электрических знаков на коже нет, а при ударе током должны быть обязательно ожоги или электрические знаки. Весьма странная история, не находите?

– Что же здесь странного? – откровенно удивился Огородников. – Обычная история. В кооперативе случаи поражения током дело привычное. Меня самого било несколько раз и ничего, никаких следов...

• Я не об этом, – перебил его доктор. – Предположим, человека ударило током. Что же, явление, как Вы утверждаете, многоуважаемый Павел Григорьевич, вполне ординарное. Закономерным можно считать и тот факт, что получив пусть даже незначительный электрический удар, он потерял равновесие и упал с лестницы. Необычным же является то, что упав с трёхметровой высоты наш пациент не получил видимых повреждений. Не наблюдаются даже обязательных при таких травмах гематом, царапин, ссадин. И последнее. Дождь, как Вы помните, прекратился час-полтора тому назад. Обратите внимание, вокруг мокрая земля и стоят лужи, а пострадавший сухой как пух тополя. И это притом, что ему пришлось пролежать без движения практически всю ночь. Как же, спрашиваю я Вас, ему удалось не намочить при таком ливне? Вопрос?

– Сам удивляюсь, – развёл руками Огородников. – Но состояние-то его, не ахти какое. Наружных повреждений, может быть, и нет. Тут Вы правы. А пойдёшь, разберись, что там внутри покалечено.

– Поступим так, Павел Григорьевич, – принял решение врач. – Его нужно в дом перенести. На руках не получится. Очень уж болезненно будет. Носилки, естественно, нет.

– Носилки как раз, имеются, доктор.

– Те, что для переноски мусора и опавших листьев не подойдут. Нужны специальные, медицинские...

– Именно такие и есть. Самые настоящие носилки, которыми оснащались прежние кареты скорой помощи. Я по случаю приобрёл на их толчке. Сам не знаю для чего. Вот, выходит, и пригодились.

– После долгой возни мужчинам, наконец-то, удалось водворить пострадавшего на старую пружинистую кровать на веранде.

– Ему необходим покой, – заявил старый доктор, – смахивая пот со лба. – Вероятнее всего, в нашем случае имеет место ушиб рёбер. Больной жаловался на затруднённое и болезненное дыхание. Дадим ему обезболивающее средство. Не помешает и снотворное. Пусть вздремнёт. В его теперешнем состоянии крайне необходим абсолютный покой. Желательно чтобы кто-нибудь подежурил у его постели.

– Понял, доктор. Жене его я уже позвонил. Будет часа через два. Пока же с ним останусь я.

– Ну, вот и отлично. Если больному станет хуже, без промедления ко мне.

– Непременно. Спасибо большое доктор. Извините ради Бога за беспокойство.

Встревоженная жена примчалась много раньше, чем её ожидали. Пребывая в крайне взволнованном состоянии, она растерянно озиралась вокруг, готовясь услышать самые плохие новости.

– Успокойтесь, голубушка Лариса Викторовна, – попытался успокоить женщину Огородников. – Всё уже позади....

– Что случилось, Павел Григорьевич? – с трудом выдавливая слова непослушными губами, взволнованно спросила она.

– Всё уже позади, всё позади, – Огородников неуклюже топтался возле расстроенной женщины, плохо представляя собственное поведение в подобной ситуации. – Вот и доктор говорит....

– Какой доктор? Здесь была скорая помощь?

– Ну, что Вы, какая скорая помощь? Господь с Вами. Видите ли, Ваш супруг отремонтировал электропроводку, и по неосторожности упал с лестницы. Ушибся, конечно. Но с кем, знаете ли, не бывает. Случай. Слава Богу, никаких переломов. Даже царапин нет. Очень удачно приземлился. Врач дал ему обезболивающее и снотворное. Сейчас ваш супруг спит, и его желательно не тревожить.

– Гора с плеч, – обессилено упала на стул женщина. – А я уже чего только не передумала.

– Нет, нет. Ничего страшного. Сейчас он нуждается только в отдыхе. Несколько часов покоя. А там, смотришь, всё и обойдётся.

– Спасибо Вам, Павел Григорьевич, за помощь. Вы уж извините, что пришлось Вас побеспокоить....

– Ну что Вы, Лариса Викторовна, такое говорите. Какое беспокойство. Соседи должны помогать друг другу. А теперь я вынужден Вас оставить. Если что-то срочное, прошу без церемоний.

– Очнулся, милый, – мягко проворковала жена, поправляя дрожащей рукой край пледа. – Как себя чувствуешь?

– На три с плюсом, – после небольшой паузы шутливо ответил он, заметив, что женщина с трудом сдерживается, чтобы ни разрыдаться. – Ты давно здесь?

– Да уже часа три, пожалуй, – бросив быстрый взгляд на настенные часы, ответила она. – Мне сосед сообщил.... Павел Григорьевич позвонил, и я сразу сюда. Очень болит?

– Не беспокойся. Всё в норме. Кажется, в этот раз я отделался легко. Без больших потерь. Немного ноет тело, вот и все, пожалуй.

– Без больших? – переспросила она, недоверчиво косясь на бледное лицо мужа. – Как ты определил, большие они или небольшие. – Все-таки с трёх метровой высоты выпорхнул...

– Кто видел, с какой высоты я падал? Никто. Так что нечего придумывать....

– Павел Григорьевич говорил, что ты с лестницы упал, с самого верха. А лестница-то у нас четырёхметровая.

– Не было Огородникова рядом, когда я падал. Вообще никого не было поблизости, – раздражённо буркнул он насупившись.

– Ладно, не заводись. Не было, значит, не было. Двигаться сможешь? Мне бы тебя в дом переместить как-нибудь.

– Давай попробуем. Помоги мне сесть. Вот так, – удовлетворённо крикнул он, тяжело усаживаясь на кровати. Под ногами взвизгнуло, послышался хриплый лай. – Тварь эту, зачем с собой приволокла?

– На кого же мне ее оставить? – женщина подняла с пола небольшого лохматого пекинеса и прижала к груди. – Марта уже старенькая. Шерсть вон клочьями лезет. Соседи не хотят брать даже на час. Аллергия, говорят, от собачьей шерсти. А ты сам знаешь, у Марты шерсть лечебная....

– Завела любимую пластинку. Хорошо пусть остаётся, но снаружи. Никуда она не денется, – предвидя возражения жены, аргументировал он своё решение и, убедившись, что собака оказалась по ту сторону двери, попросил. – Помоги мне в дом войти. Я на диванчике пока устроюсь. У этой старой кровати сетка провисает до самого пола. Неудобно лежать.

– Сейчас помогу. Постелю диван и помогу.

На преодоление пятиметрового расстояния до дивана потребовалось почти полчаса.

– Тяжеленный ты, – устало выдохнула жена, с трудом распрямляя спину. – Здесь тебе лучше будет. Лежи, отдыхай, а я приготовлю завтрак. Съестное в холодильнике водится?

– В морозильнике курица должна быть.

– Есть птичка заморская венгерской национальности в упаковке.

– Свари бульончик. В кладовой, в сумке, картошка. Укроп, петрушка и лук – на грядке....

– Не переживай, разберёмся, что к чему. Печка не работает. Свет-то есть?

– Есть свет. Пробку надо вкрутить, на холодильнике лежит. Успел проводку починить. Чертовщина какая-то вчера приключилась. Если бы не этот шарик, всё бы обошлось.

– Какой шарик?

– Голубой. Я уже было закончил работу и надо же, прилетела шаровая молния с баскетбольный мяч величиной...

– Шаровые молнии жёлтого цвета бывают, это общеизвестно. Приходилось мне однажды в детстве ее видеть....

– Ты видела жёлтую, а я голубую. Наверное, они разных цветов бывают.

– Ну, и времена пошли. Даже шаровые молнии, которые всегда жёлтыми были, и те голубыми становятся. Интересно, розовыми они случайно не бывают?

– Давай, веселись. Станный вы народ, женщины. Только что тряслась от страха, а сейчас, надо же тебе, веселье накатило. Наверное, это нервное.

– Нет, правда. Ни одного цвета порядочного не осталось. Красный, коммунисты заграбастали, голубой и розовый – по жизни нетрадиционно ориентированные под себя приспособили, оранжевый новое поколение революционеров перехватило....

– Вот, вот. Именно поэтому я про шар и рассказывать-то никому не стал: ни Павлу Григорьевичу, ни доктору. Будут, вот так же как ты, хихикать и зубоскалить. Мол, так, бедолага, головой треснулся, что всякая чертовщина привиделась.

– Зачем же сразу обижаться? Пошутила я. Надо же как-то стресс снять. Испугалась за тебя. После звонка Павла Григорьевича просто обомлела. Куда бежать, что делать? Не знаю. Душа окаменела, ноги не идут. Отнялись от страха. Акимов Володька почему-то вспомнился.

Помнишь, которого в прошлом году током убило. Молодой ещё парень. Я как представила себе, что и с тобой нечто подобное могло произойти.... Ужас.

– Не нагнетай. Обошлось ведь...

– В этот раз обошлось, а могло и не обойтись. Ну, чего, спрашивается, полез на верхо-туру? Да ещё в проливной дождь. Нельзя было потерпеть до утра? И занимайся ремонтом при нормальной погоде. Так нет же.... Сколько лет живешь, а все как мальчишка.

Глава 2

Странный сон приснился ему этой ночью, сказочный. Вернее былинный. Будто лежит он на печи в бревенчатой покосившейся избе. Тридцать лет и три года без движения. Инвалид, калека несчастный. Отнялись ноги с самого детства. Цепко держит хворь, не отпускает. От бессилия и отчаяния стонет, стиснув зубы, судьбу проклиная свою горемычную. Скрипнула косяя дверь, отвалившись вовнутрь, и вошли в избу трое старцев.

– Не подашь ли, Илюша, водицы студеной странникам, каликам переходим, – высокий старик с крючковатым носом и окладистой платиновой бородой впился цепким взглядом в него, лежащего неподвижной колодой на печи.

«К кому это они обращаются? – удивился он. – В избе кроме меня и нет никого.

– Злые шутки вы, странники, шутите: тридцать лет я на печи сиднем сижу, встать не могу.

«Это я отвечаю. До чего забавно получается. По всему выходит, что Илья Муромец, тридцати трёх летний инвалид из глухой Российской глубинки под названием Карачарово, что не далеко от города Мурома, это я и есть. Что там опять говорит старик?»

– А ты приподнимись, Илюшенька. Разомни ноги затекшие, распрями плечи молодецкие, принеси-ка студёной воды.

«Понятно. Просит принести воду из колодца. Колодец недалеко от избы должен быть, но как же я доберусь до него калека параличом разбитый».

Старик настаивает. Сердится. Глазищи из-под мохнатых насупленных бровей сверкают, грома и молнии мечут. Пошёл на ватных негнущихся ногах, гонимый чужой волей и толкаемый неведомой силой. Один неуклюжий шаг, второй, третий. Уже лучше получается. Ударилась деревянная бадья о воду, напряглась верёвка, вынырнула из холодной глубины колодца, расплёскивая хрустальную воду. Поставил бадью перед старцем. Налил старик воды в ковшик, протянул ему.

– Попей, Илья. В этом ковше вода всех рек, всех озёр Руси-матушки.

Под пристальным взглядом старика жадно пьёт воду, расплёскивая её, ощущая с каждым глотком необычный прилив энергии, наполняющей каждую его клетку.

– Много ли чувствуешь в себе силушки?

– Много, странники. Кабы мне лопату, всю бы землю перекопал.

«Это точно. Теперь уж на вскапывание дачного участка, что всегда было проблемой, никого нанимать не придется».

– Выпей, Илья, остаточек. В том остаточке всей земли роса, с зелёных лугов, с высоких лесов, с хлебородных полей. Пей.

Выпил еще ковшик.

– А теперь много в тебе силушки?

– Ох, калики переходимые, столько во мне силы, что, кабы было в небесах, кольцо, ухватился бы я за него и всю землю перевернул.

Он проснулся от ощущения прилива необычайной силы и свежести. Не сдерживая юношескую энергию, бурлящую в сосудах, легко вскочил с дивана, шагая по комнате упругой походкой восемнадцатилетнего юноши. Сон продолжался наяву. Эх, были бы эти кольца, вспомнил он странный сон, пригнул бы он небеса к земле одним махом. Осмотрелся. Успокоился. Комната показалась ему крохотной, с ничтожно малым жизненным пространством. Жена тихо посапывала на кровати у окна, мерно тикали ходики, неумолимо отсчитывая секунды,

прессуя их в минуты и часы. Как огромный кот, которого чешут за ухом, с заданной периодичностью урчал холодильник, содрогаясь перед каждым отключением кратковременной агонией. Ощущения наполнения тела энергией не оставляло. Казалось, он продолжает пить волшебную воду из колодца, и не может утолить жажду. Энергией наполнялась каждая клетка, каждая мышца трепетала, впитывая силу с жадностью разряженного аккумулятора. Ощущения эйфории, необъяснимого физиологического комфорта, слились в единый трепетный порыв жажды наполнения.

Где скрывался источник волшебной энергии, какими неведомыми потоками проникала она вовнутрь, он не знал, да и знать не желал, всецело отдавшись всепоглощающему чувству насыщения волшебным эликсиром. Энергия наполнила его всего полностью и уже хлестала через край. Он с тревогой уловил первые симптомы пресыщения. Передозировка. Ну, конечно же, каждый сосуд ограничен своими объёмами. Не составляет исключения и его тело. Эйфория поглощения сменилась неприятными симптомами переполнения, вызванного нарушением принципа гармонии между притоком энергии и выведением её в пользу притока. Давление нарастало, грозясь разорвать тело изнутри. Кровь ударялась о стенки сосудов с энергией молота падающего на наковальню, отдаваясь нестерпимой ломящей болью в висках. Теряя сознание, он рухнул на пол. Изуродованные судорогой пальцы сжимали какой-то мягкий, теплый предмет, случайно подвернувшийся под руку. Сдавленный визг, сменившийся злобным рычанием – последние звуки, услышанные им наяву.

Он пришел в себя, когда серый рассвет только начинал разрывать чернильные ступки ночи. Открыл глаза, потянулся во весь рост. Лежа на полу, он всё ещё продолжал цепко сжимать руками полузадохнувшуюся собачонку, не сводящую с него испуганных выпуклых глаз. Приступ, по всей видимости, прекратился. Выпустив животное из рук, он с трудом утвердился на коленях, всё ещё покачиваясь от слабости. Собака, скуля и подвывая, ползла на брюхе к хозяйке, мирно сопящей на кровати. Женщина проснулась и спросонья позвала.

– Марта, Марта. Иди ко мне малышка.

Услышав голос хозяйки, собака заскулила еще громче. Щёлкнул выключатель. Женщина, увидев коленапреклонного мужа, бросилась к нему, на ходу запахивая коротенький халатик.

– Потерпи... Я сейчас... Сбегаю к Павлу Григорьевичу... Пусть он врача... – хлопотала она, склонившись над обессиленным мужем.

Мужчина, навалившись на плечо женщины, тяжело поднялся на ноги.

– Отдохни, приди в себя, – приговаривала жена, опрокидывая тяжелое тело на диван. – Сейчас я водички холодненькой принесу.

Дрожащая рука неуверенно приняла стакан. Он жадно пил расплёскивая воду. Отобрав у мужа пустой стакан, она полотенцем вытерла пот с покрывшегося испариной лба.

– Легче стало? Сейчас примем снотворное... Надо поспать... Устраивайся поудобнее... Вот так. Спи.

Возбуждённый голос жены разогнал остатки сна.

«С кем она разговаривает? – лениво подумал он, осторожно поворачиваясь на бок. – Наверно Павел Григорьевич пришел».

Часы показывали без пятнадцати девять. Было светло, по полу сновали весёлые солнечные зайчики. Жена расположилась на низком табурете, рядом с диваном, держа на руках притихшую Марту.

– Ты только посмотри, что деется-то, – весело зашебетала Лариса, заметив, что муж открыл глаза. – Марта помолодела.

– Очень заметно, – иронично отметил он, – собаке четырнадцать лет, а выглядит на восемь...

– Нет, серьёзно, – жена внимательно рассматривала собаку, пристроившуюся у нее на коленях. – Смотри, у неё через старую свалывшуюся шерсть молодые волосики пробива-

ются. И шерстка гладкая и блестящая, как у щенка. Зубки молоденькие появились, острые как иголочки.

– Помолодела, говоришь, – переспросил он, с интересом заглядывая в беззубую пасть пекинеса. – Чудеса. С чего бы это ей молодеть?

– Кто его знает. Может быть, свежий воздух подействовал или ещё что. Сам-то ты как?

– Чувствую себя замечательно, местами даже превосходно, – обронил он, направляясь к умывальнику. Собака, спрыгнув с колен хозяйки, затрусил следом.

– Надо же какая любовь, – удивилась хозяйка, наблюдая за собакой, устраивающейся у ног мужа. – Прежде в особом к тебе расположении замечена не была...

– У нас взаимная неприязнь...

– Я в курсе. Не похоже на Марту так резко менять свою привязанность. Не тот характер. Впрочем, от любви до ненависти один шаг. В нашем случае, правда, вариант обратный.

Взяв собаку на руки, мужчина почесал её за ухом.

– Чудны дела твои, Господи, – не переставала поражаться хозяйка. – Надо же тебе, взял, не побрезговал. Прямо сладкая парочка.

– Что брезговать-то? Любая живая тварь – дитя природы. И разумная и неразумная. Сапиенсы, вроде нас с тобой, со знаком качества выпущены, над другими, – опустил он на пол Марту, – природа не так тщательно корпела. Где-то недодала, где-то недотянула до высоких стандартов. Впрочем, неизвестно кому лучше.

– Стройная философия. Что-то ты сегодня сам на себя не похож. Где солидность, где фасон? Скажешь, что кенгуру, – иронично всматриваясь в пышущее энергией лицо мужа, заметила она.

– Ничего удивительного. Молодеющие пожилые собаки в твоём понимании нормальный процесс, а случись у мужа с утра хорошее настроение и прилив жизненных сил – это уже подзрительно.

– Оно бы ничего, не собирайся ты вчера отдать Богу душу....

– Вчера, не спорю, имелось такое намерение, – весело перебил он жену, – а сегодня передумал. Надо же куда-то энергию злоупотребить по назначению. Через край хлещет. Полагаю прополка сорняков нынче самое удачное приложение сил.

– Конечно, после вчерашнего ливня в самый раз. Если в огород влезешь по такой грязи, – мудро рассудила Лариса, когда за мужем закрылась дверь.

Женщина, взяв на руки скулящую собачонку, ещё долго перебирала пальцами коричневую шерсть, с интересом рассматривала слюнявую пасть.

– Чудеса, да и только, – в недоумении покачивала она головой.

Отпуск подходил к концу. Стояли жаркие августовские дни, но утренняя прохлада напоминала о приближении осени. Четыре недели пролетели как один день. Пришла пора возвращаться в город. Перед выходом на работу надо было привести в порядок домашние дела – прибраться в квартире, где давно не ступала нога хозяев. Забот хватало. Урожай был тщательно собран, рассортирован по мешкам, ящикам, корзинам и приготовлен к вывозу. Овощей и фруктов на их участке в этом году уродилось больше, чем у соседей, что не ускользнуло от завистливого взгляда Огородникова.

– Поделится бы секретом, сосед, не чужие ведь люди. Удобрения, какие новые раздобыл или семена высокоурожайных сортов?

– Есть такая поговорка, Павел Григорьевич, – самодовольно усмехнулся он, зная, как гордился Огородников своим участком, считая его лучшим в кооперативе, – в чужих руках всегда толще и длиннее....

– Не скажи, – не удовлетворился простым объяснением Огородников. – Вчера хозяйка твоя яблочками угощала. Мёд не яблоки. Сочные, сладкие и не одной червоточинки.

– На яблоки у нас каждый год урожайный. Сорты элитные из питомника. Я тебе сколько раз говорил, Павел Григорьевич, деревья надо покупать только в питомнике. На рынке такой корень всучить могут, не обрадуешься. Сколько будешь выращивать, столько мучиться. Моему вот коллеге пять лет назад сливу продали. Высокоурожайный сорт, адаптированный к нашей местности. Он только в этом году узнал, что всё это время лелеял и холил пирамидальный тополь. Слышал бы ты его причитания, когда он корчевал это совсем не фруктовое дерево.

– Бог с ними фруктами. А картофеля сколько собрал?

– Полторы тонны.

– Полторы тонны! С трёх соток. По полтонны с сотки. Нормально, а? Другие столько с гектара не собирают. Урожай у тебя, ей Богу, будто с выставки достижений народного хозяйства доставили.

– Грех жаловаться. В этом году уродилось как никогда. Год на год не приходится, сам знаешь. Должно же и мне когда-нибудь подфартить. Не всё же время вам, огородникам-профессионалам в передовиках ходить.

– И то верно, – сокрушённо выдохнул сосед.

– О чём это вы тут спорите? – жена с собакой на руках подошла к мужчинам.

– Урожаем вашим восторгаюсь, Лариса Викторовна, завидую. Безуспешно пытаюсь вывести секрет изобилия у вашего супруга.

– Какой там секрет? Нет никакого секрета. Повезло с погодой, вот и весь секрет.

– Погода для всех одна и та же, вот только урожай разный, – продолжал сокрушаться Огородников, внимательно рассматривая собаку, дремлющую на руках хозяйки. – Марту не узнать. Шерсть блестящая, зубы пробиваются острые как иголки. Что это с ней, вторая молодость?

– Вот именно, молодость, – хозяйка осторожно опустила собаку на землю. – Сама не устаю поражаться переменам. Если так дело пойдёт дальше, смотришь, щенки появятся.

– Ну, это Вы уж того, чересчур загнули со щенками.

– Я заметила, смирновский Буч сегодня возле неё крутился.

– Нам с тобой только щенков не доставало, – взяв собаку на руки, хозяин принялся с интересом осматривать помолодевшую сучку. – Не вижу я никаких признаков готовности стать матерью.

– Рано признаки видеть, – категорично заявила жена, забирая собаку из рук мужа. – Пройдёт нужное время, появятся признаки и щенки вслед за ними.

– Да-а-а, – хитро улыбнулся Огородников, – судя по всему, у вас не только на огороде и в саду урожай. Не зря люди говорят – если уже везёт, то во всём.

Городская квартира встретила их тишиной и толстым слоем пыли на подоконниках и мебели. Вещи были расставлены в привычном порядке, урожай отправлен в подвал под гаражом.

– Работы-ы делать, не переделывать. Я займусь уборкой квартиры, – распорядилась жена, – а ты давай, топай на рынок. В холодильнике пусто. Денег у нас с тобой кот наплакал. Рассчитывай, чтобы продуктов хватило на неделю. Бери ручку, бумагу, набросаем списочек первоочередных покупок.

Денег в необходимом количестве в их семье не водилось уже давно. Левых доходов ни у него, ни у неё не было, так что выживать приходилось на две не очень высокие зарплаты. А этого для безбедной жизни было мало. Перезимовать помогал урожай, собираемый ежегодно на даче. Картошка, капуста, свёкла, да и соленья скрашивали стол, но и только. Крутиться, как крутились некоторые его знакомые и коллеги, добывая средства к существованию везде, где только было возможно, у него не получалось. Ну, не мог он вымогать деньги у больных в силу воспитания и сложившихся привычек. Жена свыклась с таким положением и не докучала ему требованиями приносить в дом больше денег. Работает и, слава Богу. Как-то умудрялась стягивать концы с концами. Детей им Бог не дал, а вдвоём прожить было легче. Закончив

писать список, получившийся весьма коротким, он отправился на рынок, по ходу выслушивая наставления жены об искусстве торговаться с продавцами. Здесь он всегда следовал советам второй половины, поскольку в вопросах, как за сравнительно небольшие деньги купить недорогие, но качественные продукты ей не было равных.

Рынок – длинный ряд контейнеров, где торговали всем, что только может пожелать самый привередливый покупатель, располагался в пятнадцати минутах ходьбы от их дома. Этот нецивилизованный супермаркет был городом в городе, с улицами, переулками и проспектами. Он раскинулся на территории, где легко разместились бы несколько футбольных полей. За внешним хаосом и кажущейся неразберихой, опытный взгляд мог подметить определённый порядок или, можно даже сказать, систему распределения товаров. Промтовары располагались в одной части рынка, продукты питания – в противоположной. В свою очередь, город промтоваров состоял из: проспектов верхней одежды и обуви; улиц парфюмерии и нижнего белья; переулков детской одежды, бижутерии и многих других товаров. Продукты питания также были упорядочены, разделяясь на колбасные, мясные, рыбные, фруктовые и овощные улицы и множество переулков, где в широком ассортименте можно было приобрести сыры, молочные продукты, яйца, грибы, то есть, всё, что требовал желудок и позволял кошелек. Так что покупатель, пришедший за конкретной покупкой, мог без особых проблем сориентироваться в этом огромном людском муравейнике и приобрести нужный ему товар.

Оказавшись на территории рынка, он сразу же направился в мясные ряды. Первым номером в списке, продиктованном ему женой, стояла говядина на борщ. Пятьсот грамм без кости. Цены на мясо здесь были существенно ниже, чем в сверкающих супермаркетах и обычных продуктовых магазинах, но для их скромного бюджета всё же оставались довольно кусачими. Кусок мяса для первого блюда – всё, что они могли себе позволить, да и то, всего лишь два – три раза в месяц. Их семейный бюджет ещё мог выдерживать такую нагрузку.

Он выбрал контейнер с вполне приемлемым ассортиментом и, даже, присмотрел симпатичный кусок телятины, вполне соответствующий его кулинарному замыслу. Перед прилавком стояли не более пяти человек, что устраивало как нельзя лучше. Было время тщательно рассмотреть содержимое витрины. Ему нравилось вот так, в ожидании очереди стоять, оценивая продукты, прикидывая, какие блюда можно из них приготовить. Он любил и умел разнообразно и вкусно готовить. Дар достался ему в наследство от матери, имеющей полтавские корни. В самом центре витрины красовался огромный кусок свинины. Люди, разбирающиеся в мясе, называют эту часть ошейком. Вся розовую поверхность куска пересекали тоненькие белые прожилки жира. Такое мясо идеально подходило для приготовления барбекю на углях. Порции следовало нарезать толщиной в палец, чтобы жар от углей излишне не высушивал мясо и, оно оставалось сочным. Резать его надо ножом с широким лезвием, тогда куски получались ровными, одинаковой толщины. Приправа для такого мяса шла особая. Помимо обычных ингредиентов – лука, чеснока, соли, перца, кориандра, присутствие которых обязательно при приготовлении любого мяса, в смесь обязательно добавлялись тмин, щавель, эстрагон и базилик. Для придания барбекю своеобразного, приятного аромата он обильно полил бы мясо, достигшее готовности, смесью из кленового сиропа и яблочного уксуса. В качестве гарнира нельзя придумать ничего лучше молодого розового картофеля, запечённого особым способом. Обильно сбобренный укропом, он подаётся к столу слегка подрумяненный. Помимо картофеля, к мясу можно подать печёную тыкву и овощной салат. Но это уже на любителя.

Рядом с облюбованным куском свинины, свернулись в небольшие рулончики две пластинки свиных рёбрышек общим весом не более полутора килограммов. Они особенно хороши в остро-сладком соусе. Впрочем, на его вкус, рёбрышки были слишком жирноваты. Предварительно их требовалось проварить в течение десяти минут и тогда большая часть жира будет удалена, что позволит прожарить их гораздо быстрее и качественнее. Особый вкус жареным рёбрышкам придаст остро-сладкий соус, который готовится из кетчупа, томатной пасты, уксуса,

горчицы «Дижон», бастра, сухой горчицы и чеснока. Салат из макарон или тосты, тонкие кусочки поджаренного хлеба со сливочным маслом, прекрасно дополняют это блюдо.

Печень. Из неё можно приготовить огромное количество вкусных и полезных блюд, но он всегда отдавал предпочтение паштету. Готовился он очень просто и быстро, по особому семейному рецепту, перешедшему к нему от матери. Толстыми кусками на сковороду нарезалось свежее сало, затем морковь, лук и, наконец, сама печень. Специи использовались самые обычные – немного лаврового листа, десяток горошин душистого и горького перца, соль. По желанию, но совсем не обязательно, добавлялся десяток чёрных ягод можжевельника или мускатный орех. Всё это доводилось на медленном огне до полной готовности, остужалось и пропускалось через мясорубку. Паштет готов. Быстро, дёшево, сердито. Его можно есть просто так, делать бутерброды, фаршировать им яйца, сваренные вкрутую.

«Да, – тяжело вздохнул он, нервно комкая в кармане мятую сотню, – была бы ты родная пятью тысячами, все это великолепие можно было бы приобрести, порадовать жену кулинарными изысками. Незаметно подошла его очередь. Продавщица вопросительно взглянула на неуклюже засуетившегося покупателя. Рука, сжимающая в кармане сотню, никак не могла вынырнуть наружу. Наконец, помятая купюра легла на прилавок. Он не верил собственным глазам – продавщица упаковывала в целлофановый пакет облюбованный кусок свинины. За ним последовали рёбра и, отдельно, печень. Он подался вперёд, пытаясь устранить недоразумение, объяснить, что не в состоянии оплатить всё это. Но услышав традиционное «благодарю за покупку» в недоумении отошел в сторону, унося пакет с мясом и сдачу, аккуратно отсчитанную продавщицей. Выйдя с территории рынка, в растерянности плюхнулся на первую же повернувшуюся парковую скамейку. Пересчитал сдачу, прикинул цену покупки. По всему выходило, что сдачу он получил из рук продавщицы с пяти тысяч рублей. «Пьяная она, что ли? – подумал он не в состоянии объяснить, как человек, находящийся при здравом уме и ясной памяти мог так ошибиться». Он извлёк из бокового кармана портмоне и внимательно исследовал его содержимое. Три сотни лежали там, куда он их и положил, покидая квартиру. Четвёртую купюру он переложил в карман, чтобы не доставать кошелёк в толпе. Делалось это специально, по рынку сновали лихие ребята, готовые лишить зазевавшегося покупателя его кровных. Кошелёк могли вытащить, выхватить, просто отобрать. Подобные инциденты ему доводилось видеть и не единожды именно на этом рынке. Внимание его привлёк список, белеющий в одном из отделений портмоне. Необходимо было купить ещё очень многое – овощи, хлеб, сахар, растительное масло, но он не мог заставить себя вновь вернуться на рынок, не без основания опасаясь, что продавщица спохватилась и мечется в поисках удачливого покупателя. Надо идти домой. Как объяснить жене появление неожиданного богатства? Разумного объяснения свалившихся с неба средств на шикарные покупки не находилось.

За время его отсутствия квартира под умелыми руками жены преобразилась, приобретя жилой вид.

– Быстро ты справился, – встретила его жена в прихожей, забирая пакет с мясом их рук мужа. – Сейчас я что-нибудь, быстренько приготовлю перекусить, – донёсся её голос уже с кухни. – Боже мой, что это такое? Ты набрал мяса на десять человек. А где всё остальное? Потерял список?

– Милая, ты не поверишь, – нарочито бодрым голосом сказал он, входя вслед за женой на кухню. – Со мною такое случается впервые. Можешь себе представить, я нашёл на рынке пять тысяч рублей. Впервые в жизни я нахожу деньги, и именно в тот момент, когда они нам так необходимы. Ну, естественно, на радостях накопил всякой всячины.

– Ты нашёл, а кто-то потерял. Горе у человека. Ты бы порасспросил вокруг...

– Ты не знаешь, что такое рынок? Тысячи снующих людей, – снисходительно обронил он. – Представь на минуту такую картину – я поднимаю купюру над головой и объявляю, граждане, кто потерял пять тысяч? Как бы ты думаешь, обнаружился бы хозяин?

– Ну, я не знаю... Если бы он был не очень далеко и услышал бы тебя...

– Ты ошибаешься. Он нашёлся бы сразу. И это был бы человек ближе всех ко мне стоящий.

– Не думай плохо о людях. Подлецов, конечно, предостаточно, но есть же, в конце концов, и порядочные люди.

– Вопрос о том подлец этот человек или нет, зависит от точки зрения. В твоём понимании он подлец, а в его – нормальный, разумный человек. А вот я в его представлении, так вообще круглым идиотом выглядел бы. Ведь как бы он рассуждал. Нашёл деньги и радуйся, что подфартило. Прячь в карман и живи дальше. А он, идиот, размахивает купюрой, хозяина ищет. Вот, что он подумал бы обо мне. На оптовом рынке обретается еще тот контингент. Перекупщики. Так-то вот...

– Не будем спорить, может быть, ты и прав. Всё так изменилось в мире. Что было чёрным, стало красным и наоборот. Придётся тебе вновь идти за покупками.

– На рынок не пойду, далековато. Скуплюсь рядом, в магазине. Тем более образовалась такая солидная экономия.

Глава 3

Майор Виктор Николаевич Быстров, начальник оперативно – розыскной части уголовного розыска Петровского районного отдела внутренних дел, вошел в кабинет, когда до конца рабочего дня оставалось менее получаса. Подчиненные с нетерпением ожидали появления шефа, вызванного наверх еще перед обедом. Удивляла и настораживала срочность вызова и время пребывания майора на ковре. Все офицеры находились на рабочих местах, но на шум открываемой двери поднял голову только капитан Олег Стасов.

– Мы уже думали, что не дождемся, – сказал он, пытаясь по выражению лица начальника определить итоги хождения наверх.

– А у нас, что ввели нормированный рабочий день? – зло огрызнулся Быстров.

Заняв место за рабочим столом, он принялся быстро просматривать бумаги, скопившиеся за время его отсутствия.

– Виктор Николаевич, Вас ожидает представительная делегация работников оптового рынка, – доложил лейтенант Игорь Черкашин, работающий в управлении всего несколько месяцев.

– Так быстро? Где они? – вяло, поинтересовался Быстров, непроизвольно перекладывая с места на место бумаги на столе.

– В соседней комнате, – удивился Стасов осведомленности начальника. – Пришлось выдворить из кабинета высоких гостей, поскольку шумят, скандалят, мешают работать представителям силовых структур в моём лице и лице уважаемого Федора Степановича, – кивнул он в сторону стола, за которым вальяжно расположился добродушный толстяк, капитан Вершинин. – Я уже не говорю о молодом специалисте, – он выразительно посмотрел на Черкашина, – у которого от общения с нехорошей компанией может сложиться превратное мнение о нашей службе.

– Надо же. Докладывай. Только покороче.

– Кошмарная история из жизни привидений и вампиров. Видите ли, Виктор Николаевич, на нашем рынке объявилась потусторонняя сила, которая бомбит киоски, ларьки и прочие торговые точки, отбирая у славных тружеников прилавка товары и капиталы. И что самое поразительное, не брезгует ни чем: ни колбасой, ни водкой, ни, простите, молочнокислыми продуктами...

– А можно без комментариев? Хотелось бы услышать исключительно факты. Фёдор Степанович, доложите.

– Видите ли, Виктор Николаевич, – стал обстоятельно излагать суть дела Вершинин, – насколько я правильно понял ситуацию, на рынке кто-то вот уже два месяца бомбит торговые

точки. Не по-крупному – от пяти до двадцати тысяч рублей с носа. Но, товар на указанные суммы изымаются регулярно и незаметно. Местная охрана с ног сбилась в поисках шутника и вот, наконец, они его достали. Мужик у пришлось бы очень туго, если бы не наряд полиции. Можно только предполагать с каким нетерпением работники рынка ожидали этой долгожданной встречи. По самым скромным подсчетам, товар похищен на весьма значительную сумму. Наши сотрудники, можно сказать, спасли преступника от праведного гнева работников торговли, предотвратив самосуд. Вся компания доставлена к нам для дальнейшего выяснения подробностей. Я думаю, будет лучше, если Вы почерпнёте информацию непосредственно из первоисточника. Не понятным для меня остается один вопрос, почему очевидную финансовую махинацию начальство поручило расследовать нам, а не славным борцам с экономическими преступлениями?

– Черкашин, пригласите всех сюда, – проигнорировал вопрос капитана Быстров. – Олег, организуй необходимое количество посадочных мест для гостей. Ко всему прочему, нам только с рынком хлопот не доставало.

Группа работников рынка, как и предполагалось, оказалась разношерстной. Шкафоподобные охранники неуклюже толкались у входа в кабинет, не спуская холодных рыбьих глаз с тощего мужичка, одетого в поношенное коричневое пальто. Тот пугливо озирался на громил и беспомощно жался к полицейскому. Две женщины, видимо продавщицы, и маленький юркий мужчина в очках, как потом выяснилось представитель владельцев рынка, завершали пёстрый групповой портрет.

– Присаживайтесь, дамы и господа, не стесняйтесь, – Стасов гостеприимно расставил принесенные из соседней комнаты стулья. – Разговор у нас предстоит серьёзный и долгий. Может даже так случится, что не все по его окончании покинут наше учреждение через дверь, ведущую на свободу.

Присутствующим речь капитана явно не понравилась. Они нехотя заняли предложенные места, за исключением двух охранников, всё ещё топчущихся у двери.

– Вам, коллеги, что отдельное приглашение требуется? – ехидно поинтересовался Стасов. – Займите те вон стульчики. Я полагаю, они выдержат ваш вес.

– Итак, – Быстров недружелюбным взглядом обвёл присутствующих, – Я майор Петровского районного отдела внутренних дел Быстров Виктор Николаевич. Территория оптового рынка – наша епархия. Мои коллеги, капитаны Вершинин Фёдор Степанович, Стасов Олег Валерьевич и лейтенант Черкашин Игорь Владимирович, вкратце меня ввели в курс дела, но хотелось бы услышать подробное изложение событий. Интересуют детали. Кто начнёт первым? Есть желающие пролить свет на печальные события? – продолжил он после паузы.

Никто из гостей не решался начать первым. Так бывало всегда или почти всегда. Люди долго затрудняются произнести первые слова, зато потом строчат как из пулемёта, не остановившись.

– Придётся, видимо, мне, – сняв очки, заявил представитель рынка.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил его Быстров.

– Голубович Борис Моисеевич, заместитель директора рынка. Видите ли, в мои функции входит решение круга вопросов, касающихся, в основном, урегулирования отношений между арендаторами и непосредственно владельцами рынка. О хозяевах я говорить не стану. Это уважаемые, известные в городе люди, тем более, к инциденту отношения не имеющие. Произошло же вот что. Если мне не изменяет память, в конце августа был отмечен первый случай, положивший начало длинной цепи происшествий на рынке. Продавщица Мария Николаевна Воркунова, контейнер принадлежит частному предпринимателю Тишкину, подсчитывая дневную выручку, обнаружила недостачу на сумму около пяти тысяч рублей. Кроме пострадавшей на это неприятное событие мало кто обратил внимание. Люди торгуют весь день, устают. Могут ошибиться, давая сдачу. Потеря подобных сумм, конечно, редкость, но, тем не менее, случа-

ется. Обычно вопрос решается полюбовно между владельцем товара и продавцом. Утраченная сумма вносится продавцом и жизнь, как говорится, продолжается. Событие не смертельное, хотя и неприятное.

– А, что тут приятного? Я целый месяц отработывала долг, а у меня на шее двое детей и муж недотёпа, – сердито сопя, возмутилась полная женщина с ярко накрашенными губами.

– Как вы, господа, вероятно, догадались, это и есть Воркунова Мария Николаевна. Первая, но, к сожалению, не последняя пострадавшая. Я, конечно, извиняюсь, Виктор Николаевич, возможно, имеет смысл, чтобы рассказ об этом эпизоде Вы услышали, так сказать, из первых уст, непосредственно от самой потерпевшей? – Быстров утвердительно кивком головы согласился с предложением Голубовича. – Машенька, расскажи, как всё было, – предложил заместитель директора рынка продавщице.

– Было как всегда, – женщина извлекла из сумочки платок и вытерла вспотевший лоб, – торговала мясом. Тишкин, работодатель мой, ещё с вечера завёз товар, договорился на утро с рубшиком. Всё шло обычным чередом. Мясо распродала быстро. В тот день, помню, несколько покупателей взяли много товара. Сами знаете, как бывает. На свадьбу или, наоборот, на похороны требуется мясо, что не дай, конечно, Господь, при нынешних-то ценах. Крупные покупки сделали трое. Женщина с двумя молодыми парнями взяла на тысячу восемьсот. Парни помогали нести. Затем был видный такой мужчина. Взял семь килограммов вырезки и заднюю ногу. И ещё один человек, тот просто гурман.

– Почему же Вы решили, что он гурман? – улыбнулся Быстров обстоятельности собеседницы.

– Понимаете, он не просто покупал мясо, на авось. Он точно знал, что и для какого блюда предназначалось. Вот он-то и расплатился теми пятью тысячами которые я не нашла, сколько не искала.

– Марья Николаевна, – остановил взволнованную женщину Быстров, – я бы попросил Вас об этом эпизоде рассказать подробнее. Чем так знаменательна эта пятитысячная купюра и как Вы могли отличить её от других, аналогичных? Она, что была как-то помечена?

– В том-то всё дело. Она в тот день была у меня единственная. Женщина и солидный мужик рассчитывались тысячами, пятисотками и другими мелкими деньгами и только «гурман» дал пять тысяч.

– Понятно. Так почему же всё-таки «гурман», а, Марья Николаевна?

– Сейчас расскажу. Шею он брал для того, чтобы приготовить на природе барбекю. И специи все с подбором. Мало того, чтобы мясо не получилось жёстким, он собирался поливать его кленовым сиропом. Рёбра свиные он хотел употреблять под остро-сладким соусом, состав которого мне в жизни не запомнить. А он наизусть шпарил, как будто поваренную книгу читал. А ещё, помню, про печёночный паштет. Здесь рецепт простой. Печёнка, лук, морковка и сало пережариваются на сковороде и прокручиваются через мясорубку. И специи понятные, без выкрутасов – соль, перец. Я потом, у себя дома пробовала, готовила. Действительно очень вкусно получилось и сравнительно недорого.

– Мария Николаевна, Вы уверены, что не обронили купюру на пол и не вымели её вместе с мусором? – дождавшись паузы, спросил Вершинин.

Служивцы знали об этой профессиональной черте характера капитана. С присущей ему дотошностью, он готов был копаться в самых незначительных мелочах и несущественных, на первый взгляд, деталях. Но, впоследствии, это часто помогало устанавливать истину.

– Нет, – категорично возразила Воркунова. – Я всегда убираюсь, когда заканчиваю торговлю. Но, вначале пересчитываю выручку. Так пропажа и обнаружилась. Поверите, люди добрые, каждую коробку перевернула, заглянула в каждую щель. Нигде нет, сгнула, проклятая, как будто и не было её никогда.

– А, может быть, действительно не было? – усмехнулся Стасов.

– И Вы туда же! Была, точно была. В руках я её держала и сдачу с неё дала, – убеждённо заявила женщина.

– Мария Николаевна, – Быстров кивнул в сторону задержанного, – Вы опознаёте в присутствующем здесь гражданине человека, купившего у Вас мясо и рассчитавшегося пятитысячной купюрой?

– Не знаю. Может быть это и он. Тот же фокус... Суёт, что попало вместо нормальных денег.

– Не понял, – Быстров с удивлением посмотрел на женщину. – Так он это или нет?

– Я-то откуда знаю? Не вспоминается мне его лицо. Нет лица. Голос есть, слова, ну рецепты эти... кулинарные, в голове крутятся, а лица нет....

– Подождите, так дальше не пойдёт. Судя по тому, что Вы нам здесь поведали, с незнакомцем Вы общались не менее пяти минут. И Вы хотите меня уверить, что за это время ни разу не взглянули в его лицо? Вам не нравится во время разговора смотреть в лицо собеседнику? Мы общаемся уже несколько минут, но я не заметил за Вами такой привычки. Наоборот, Вы всё здесь успели рассмотреть и составить мнение об увиденном и услышанном.

– Я и сама не знаю, как так получилось. Не понимаю.... Никак не могу объяснить. Да и не общались мы с ним, вроде.... Словами, я имею ввиду. Не до разговоров, когда товар отпускаешь. Откуда эти рецепты взялись в моей голове, ума не приложу.

– Вспомните, Мария Николаевна, – Вершинин пристально посмотрел в глаза женщине, – помимо этого покупателя, был ли кто-то знакомый рядом?

– Были, – ахнула женщина, хлопнув ладонью по лбу. – Ну, конечно же, были. Целая очередь была. Человек пять или шесть.

– Уже лучше, – поощрил капитан продавщицу. – Лица этих людей Вы вспомнить сможете?

– Да, конечно, этих я вспоминаю. А одну женщину вообще знаю. В нашем доме она живёт. Синецына Лена. Отчества не помню.

– Какой, Вы говорите, адресочек у вашей знакомой? – приготовился писать Стасов.

– Улица Спортивная, дом двенадцать. А вот квартира, – задумалась она. – Квартира, по моему, пятьдесят семь. Да, точно, пятьдесят семь.

– Спасибо, – Стасов вырвав лист с записью из блокнота, протянул его лейтенанту. – Игорёк, не в службу, а в дружбу. Сгоняй-ка ты к этой Синецыной Лене, расспроси поподробнее, что и как. Здесь недалеко, десять минут хода.

– Понял, – Черкашин, накинув на плечи пиджак, исчез за дверью.

– Я могу продолжить? – Голубович не преминул воспользоваться возникшей паузой.

– Да, конечно, – разрешил Быстров и приготовился слушать. Ему импонировало то, как заместитель директора рынка излагал факты. Люди такого склада ума, как правило, верно оценивали любую ситуацию, делали правильные выводы и могли в доступной и понятной форме изложить своё понимание проблемы.

– Так вот, – продолжил Голубович, стараясь не упустить нить повествования. – Ровно через две недели, ситуация повторилась, но теперь уже в колбасных рядах. Затем товара и денег недосчитались в контейнерах, где торгуют рыбой, потом пострадали торговцы яйцами, сырами и так далее. Рыночный Бес не оставил своим вниманием даже молоко и молочнокислые продукты.

– Как Вы сказали? Рыночный Бес? – удивился Быстров.

– Так его прозвали люди. Уже не помню, кто первым придумал ему такое прозвище, но оно как нельзя точно характеризует этого человека. Знаете, есть такая поговорка – Бес попутал. Наш Рыночный Бес попутал очень многих. Всего пострадало более тридцати точек на пищевом рынке и около десяти на вещевом.

– Ну, что же, – с напускной серьёзностью заметил Стасов, – человек, видимо, наконец-то, наелся и решил приодеться. Вполне логично.

– Я с вами с удовольствием согласился бы, если бы не один нюанс – пострадали, в основном, точки, торгующие женской одеждой.

– Выходит, Бес к тому же еще женщина, – предположил Быстров.

– А может быть любящий муж или нежный любовник, – не исключил Стасов

– Скорее верно первое предположение, уважаемый Олег Валерьевич. Это жена.

– Что заставляет Вас так думать, Борис Моисеевич? – Быстров был явно заинтригован.

– Я взял на себя труд проанализировать ассортимент вещей, если можно так сказать, приобретенных нашим неизвестным «другом». Судя по размерам, расцветкам и фасону вещей, они, скорее всего, подойдут тридцати пяти – сорокалетней женщине. И вот, что я вам ещё скажу, у этого человека есть вкус, он умеет выбирать одежду. Если Вас интересует, я тут список набросал. – Извлёк он из кармана вчетверо сложенный лист бумаги.

– Видите, какого высокого о Вас мнения специалист, имеющий солидный опыт в торговле, – Стасов склонился над человеком в коричневом пальто и заглянул в его глаза. – Надеюсь, нас не постигнет разочарование при более близком знакомстве. Всем здесь присутствующим поклонникам столь редкого дарования, доставит совершеннейшее удовольствие общение с интеллектуалом-невидимкой.

– Что Вы все ко мне пристали? Какие два месяца? Какие тридцать точек? Да я в городе-то всего третий день. И вообще, я гражданин другой страны. Иностранец, если хотите знать, и вы не имеете права так со мной обращаться... Хватать, бить. Я жаловаться буду на ваше самоуправство.

– О-ба-на, – Стасов упал на стул, выпучив глаза, – нам ещё только международного скандала не доставало.

– Позвольте Ваши документы, – Быстров протянул руку. Человек в пальто нехотя достал из бокового кармана паспорт, на тёмно-синей обложке которого красовался золотой трезубец. Над трезубцем было написано «Украина», под ним – «паспорт». – Так, – раскрыл документ майор, – Хвостенко Павел Захарович. Прописан по адресу Винницкая область, село Ивановка.

– Вы кого сцапали, варвары, – грозно глядя на побелевших охранников, театрально воскликнул Стасов. – Ввергнуть страну в пучину политического скандала. Запомните, если суверенное государство Украина потребует вашей выдачи, мы возражать не станем.

Вершинина душил смех. Он знал, если Олег оседлал своего конька, будет резвиться по полной программе. Остановить его мог только Быстров, но тот в общем веселье участия не принимал.

– Так он же вместо денег бумажки какие-то совал, – расстроено промямлил один из охранников. – Вот Валентина шум и подняла, – ткнул он пальцем в сторону второй продавщицы...

– А я, что, понимаю, чем он платит? Вижу не рубли, не доллары и уж точно не еврики...

– Не рубли, не доллары, – передразнил продавщицу Стасов. – Соображать надо, не маленькая уже. Тебе предлагалась украинская национальная валюта. За одну их гривню почти пять наших рублей идёт. Так что промахнулась ты Валентина. Сколько могла наварить, если бы по хорошему курсу взяла.

– Ой, да ну Вас. Куда бы я потом эту валюту сдала? Ни одна обменка не примет.

– Позвольте полюбопытствовать, с какой целью к нам пожаловали? – отложил документ на край стола майор.

– Подработать приехал, да вот не сложилось. Теперь надо домой возвращаться не солоно хлебавши. Не срослось, как говорится. И вот это ещё, – он осторожно пощупал синяк под глазом. – Куда мне в таком виде?

– Кстати, об инциденте, – Быстров достав из папки лист бумаги и ручку, – Вы вправе написать заявление. Мы разберёмся и накажем виновных в нанесении побоев.

Хвостенко бросил испуганный взгляд вначале на бумагу, затем на дюжих охранников все еще плотоядно на него смотревших и сник.

– Виктор Николаевич, – Голубович подался вперёд, стараясь привлечь внимание майора, – может быть, мы уладим конфликт полюбовно с нашим украинским гостем?

– Если пострадавший хочет, чтобы виновники инцидента были наказаны, мы обязаны предложить написать ему заявление. Если такового желания не обнаружится, что же – вольному воля, спасённому рай.

– Павел Захарович, если я правильно понял, Вы рассчитывали найти работу в нашем городе, – Хвостенко утвердительно кивнул головой. – Какую работу Вы искали?

– Я квалифицированный плотник. Любая работа с деревом.

– Тогда без проблем. Рынок – то самое место, где плотнику всегда найдётся работа. – Естественно, Виктор Николаевич, – обернулся он в сторону Быстрова, – господин Хвостенко будет оформлен на работу с соблюдением существующего законодательства.

– Я ещё не услышал решения потерпевшего.

– Я согласен, – робко сказал Хвостенко.

Вошедший в комнату Игорь Черкашин, оказался свидетелем финальной сцены примирения двух братских народов.

– Как успехи? – Быстров обратил свой взор в сторону вновь прибывшего сотрудника. – Синицына Лена внесла ясность в дело?

– Да, конечно, Виктор Николаевич. Она хорошо запомнила специи, применяемые для приготовления барбекю и кое-какие компоненты, входящие в состав остро-сладкого соуса. Паштет, кстати, ей тоже пришёлся по вкусу.

– Та-ак! Думаю, поиск остальных свидетелей не имеет смысла, разве что для того, чтобы окончательно уточнить состав кулинарных рецептов.

– Так вот, Виктор Николаевич, наконец-то, мы приблизились к самому главному, – Голубович, как опытный оратор сделал паузу и, когда внимание стало всеобщим, продолжил. – Я не рассказал Вам, как я, человек, в общем-то, занятой, был вовлечён в эти события и оказался на месте конфликта.

– Интересно. Нам как-то в голову не приходило, что Вы, Борис Моисеевич, можете быть не на рынке.

– Ошибаетесь, Олег Валерьевич, на рынке я как раз бываю крайне редко. А оказался я здесь потому, что экстрасенс, нанятый нами накануне для отслеживания непрошенного визави сообщил, что тот, наконец-то объявился в зоне его досягаемости и указал маршрут, по которому тот двигался.

– Экстрасенс! Это интересно. Значит, Вы решили изловить Беса при помощи экстрасенса? – Быстров с интересом посмотрел на Голубовича. – Но судя по результату, вытащили пустышку.

– Не совсем так, – Голубович снял очки, принялся тщательно протирать линзы огромным, синим носовым платком, извлеченным из кармана пиджака. – Вильяму Давыдовичу удалось обнаружить Беса. Мы даже какое-то время преследовали его, и только в районе продуктового рынка потеряли. А затем этот неприятный инцидент с нашим гостем...

– Другими словами, Вы хотите сказать, что все, кто участвовал в преследовании, видели Беса и могут его опознать. Я правильно Вас понял, Борис Моисеевич?

– Не совсем, – смутился Голубович. – Самого Беса мы не видели, но экстрасенс установил с ним телепатическую связь и по ней, собственно, определял маршрут его передвижения.

– Все понятно, – радостно воскликнул Стасов. – Белая и черная магия вот, что нам поможет. Привязываем экстрасенса веревкой за ногу, тот берет магический след, и мы настигаем

возмутителя спокойствия имевшего наглость посягнуть на незыблемость рыночных отношений. А дальше дело техники, захватываем его как простого уголовника...

– Вы, капитан, как раз этим экстрасенсом и займетесь, – остановил Стасова майор. – Кстати, как его звать-величать и где можно найти?

– Это как раз несложно, – Голубович извлек из бокового кармана записную книжку и принялся ее листать. – Жаков Вильям Давыдович. Озерный район, проспект Победы, 27, офис 12.

– У меня к Вам вопрос, Борис Моисеевич, – заговорил капитан Вершинин, дождавшись паузы в разговоре, – почему Вы выбрали именно этого экстрасенса, а не какого-либо другого?

– Видите ли, – замялся Голубович, – в свое время он помог моей супруге, как бы это точнее выразится... Помог решить некоторые проблемы частного характера. Речь идет о здоровье. Я бы не хотел углубляться в детали, это слишком личное, но, поверьте на слово, этот человек обладает уникальными способностями.

– Что же, надеюсь, он и нас не разочарует, – подвел черту Быстров. – Теперь вот что. Меня интересует человек, организовавший группу по захвату Беса? И еще, очертите круг лиц входящих в эту группу и развитие событий по времени.

– Специально группу никто не организовывал. Жаков, как обычно, расположился со своими приборами, приспособлениями в одном из помещений администрации рынка. Не знаю их правильного названия. Когда он сообщил, что установлен контакт с Бесом, часы показывали без пятнадцати девять. Мы выскочили в вестибюль, и я приказал двум постоянно находящимся там охранникам следовать за нами. Они присутствуют здесь, в кабинете. По пути к нам присоединились еще двое. Они наблюдали за порядком на вещевом рынке.

– Где же они? – быстро спросил Быстров.

– Вернулись на свой пост. Мне показалось, что делегация и так довольно представительная. Сопровождавшие нас сотрудники полиции не возражали.

– Вы можете назвать их имена?

– Да. Ивлев Игорь... простите, отчества не помню и Демидов Андрей Николаевич. Их домашние адреса можно узнать в службе кадров. Ивлев у нас работает недавно, буквально несколько месяцев. Собственно, Демидов его и привел. Ивлев был принят на работу именно по его рекомендации. То ли они друзья детства, то ли служили вместе.

– Вы всегда набираете сотрудников по рекомендациям, – Быстров что-то пометил в блокноте.

– Практически всегда, если рекомендуемый оценивается нами положительно. А Андрей профессионал своего дела. Он у нас на хорошем счету.

– Итак, погоня началась около девяти часов, а закончилась? – майор вопросительно посмотрел на Голубовича.

– Точно не скажу, но когда началась свалка, было начало одиннадцатого. Минут двенадцать – пятнадцать.

– Какая свалка? – быстро спросил Быстров.

– Возникшая при задержании господина Хвостенко. Он, как это принято у вас выражаться, оказал сопротивление. Короче говоря, ударил головой Демидова в грудь и...

– А, что я должен был делать, когда на меня навалилась стокилограммовая туша? – возмутился, молчавший до сей поры Хвостенко. – Не я первый начал.

– Понятно. Дальше, что? – майор делал пометки в блокноте.

– Все, – удивился Голубович. – Мы вернулись уже в сопровождении ваших сотрудников в здание правления рынка. Был составлен протокол...

– Все пошли в правление? – напор Быстрова встревожил Бориса Моисеевича.

– Не понял.

– Я спрашиваю, все участники конфликта вернулись в здание правления рынка?

– Ну, да. За исключением, пожалуй, Демидова и Ивлева.

– Итак, подведем неутешительные итоги. Вы, господа участники событий, поправите меня, если я допущу неточность. В районе девяти часов началась погоня за Бесом и продолжалась где-то час – час пятнадцать. В половину одиннадцатого вся компания направилась в здание правления рынка за исключением двух охранников – Демидова и Ивлева. Пока все правильно?

– Да, – подтвердил Голубович.

– Отлично. В конторе вы появились...? – Майор вопросительно посмотрел на Голубовича.

– Минут через десять – пятнадцать. Где-то в половине одиннадцатого.

– Составление протокола и прочие формальности пусть заняли еще минут тридцать – сорок. К нам вы прибыли...?

– Время зафиксировано, – Черкашин поднял трубку телефонного аппарата. – Дежурный? Время прибытия представителей с рынка? Спасибо. Двенадцать часов двадцать семь минут, – сказал он, возвращая трубку на место.

– Сейчас мы имеем, – Быстров, откинув рукав пиджака, посмотрел на циферблат наручных часов, – восемнадцать часов семь минут. А в пятнадцать тридцать труп вашего охранника Андрея Демидова был обнаружен на территории строящейся части рынка.

– Убийство? – Голубович встревожено посмотрел на майора.

– Экспертиза установит, но по предварительному заключению – несчастный случай. Охранник убит обломком шлакоблока, упавшего с крыши киоска. Травма головы оказалась несовместимой с жизнью

– Странное стечение обстоятельств, – задумчиво потер подбородок Вершинин. – Вы не находите, Виктор Николаевич? – Быстров вопросительно посмотрел на капитана. – Исходя из утверждения господина Голубовича, возглавляемая им группа преследователей практически настигает Беса. И только досадный инцидент не позволяет довести дело до логического завершения.

– Не совсем так, – возразил Стасов. – Экстрасенс потерял контакт с Бесом.

– Совершенно справедливо, Олег Валерьевич, – согласился Вершинин. – Но рассматривая ситуацию в динамике, можно отметить одну особенность. Вот смотрите, в начале погони Бес не подозревает о том, что его преследуют, если, конечно, верить тому, что потуги экстрасенса не надувательство и телепатическая связь имела место быть. В пользу этого утверждения свидетельствует то, что он свободно, не спеша перемещается по рынку. Скорее всего, вышел на свой обычный промысел. Группе не составило особого труда очень быстро с ним сблизиться. Но, в какой-то момент Бес обнаруживает преследователей. Неизвестно каким образом: то ли увидел, то ли как-то почувствовал. Ведь мы имеем дело не с обычным человеком...

– Похоже, что так и было, – подтвердил Голубович. – В начале погони расстояние между нами сокращалось очень быстро, а потом... У меня сложилось впечатление, что он побежал.

– Это вряд ли, – выразил сомнение Быстров. – На бегущего человека всегда обращают внимание. Скорее всего, он уходил быстрым шагом. Тем не менее, Игорь Владимирович, – повернулся он к Черкашину, – надо опросить продавцов на этом участке рынка. Может быть, кто-нибудь, обратил внимание на бегущего или быстро идущего человека. Борис Моисеевич, поспособствуйте лейтенанту.

– Безусловно, поможем. Я лично обойду с Игорем Владимировичем все торговые точки в этой части рынка.

– Есть еще кое-что, что позволяет усомниться в достоверности предварительной версии по поводу гибели охранника от несчастного случая, – продолжил Вершинин. – Я хорошо знаком с расположением рынка и могу утверждать, наиболее близкий за его пределы выход проходит именно через строящуюся территорию.

– То есть, Вы хотите сказать, что это Бес убил охранника, – Быстров, откинувшись на спинку стула, пристально посмотрел на капитана.

– Вы натолкнули меня на эту мысль, Виктор Николаевич. – Ведь если Бес видел преследовавших его людей и стал свидетелем задержания постороннего человека, то логично предположить, что воспользовавшись возникшей суматохой, он поспешил скрыться. Побежал он или пошел быстрым шагом мы не знаем. Я склоняюсь в пользу второго. Но, тем не менее, могло охраннику показаться подозрительным, что все присутствующие на этом пятачке люди поспешили к месту конфликта, и только один человек быстро его покидал. Тем более, человек этот направлялся в сторону выхода через строящуюся часть рынка.

– Охранник пустился в погоню за Бесом. Тот, обнаружив, что его преследует всего один человек, расправился с ним, сбросив на голову шлакоблок, – попытался развить мысль коллеги Стасов. – Не пойму что, но что-то здесь не вяжется.

– Почему же, все очень логично, – возразил автор версии.

– Подождем результатов вскрытия и дактилоскопической экспертизы, – подвел итог Быстров. – Тогда и прояснится, с убийством мы имеем дело или с несчастным случаем.

Глава 4

На рынке было многолюдно. Он двигался по привычному для него маршруту, рассеянно поглядывая по сторонам. Сегодня целью его интересов был не товар, а деньги. Схему он продумал досконально и намерен был её реализовать в рядах, торгующих дорогими меховыми изделиями. На нестандартный шаг его подвинул острый дефицит наличных в семейном бюджете. Предыдущие вылазки в полной мере закрыли вопросы по обеспечению их небольшой семьи продуктами питания. В холодильник забит до отказа разнообразнейшей снедью. Проблематично было втиснуть туда даже сосиску. Супруга осталась довольна одеждой, о которой давно мечтала, но не в состоянии была приобрести из-за финансовых трудностей. Наличные же в их семейном бюджете, как и прежде, были в большом дефиците. И тогда ему в голову пришла великолепная идея. Он должен не приобретать, а совсем даже наоборот, продавать товар. Товар, которого у него нет, зато у других он имеется в большом и разнообразном ассортименте. В последние дни он очень внимательно изучал жизнь рынка, этого сложного социального организма, и почерпнул для себя много полезного. Ему в мельчайших подробностях было известно, откуда доставляется товар, какого рода финансовые отношения существуют между производителем и реализатором, довольно чётко представлял схему оборота наличных средств. Не составляло большого труда нащупать брешь в наработанной годами системе товарно-денежных отношений на рынке. Он уже четко осознавал, откуда без проблем можно вытащить наличные. Ряды, торгующие меховыми изделиями, как нельзя лучше подходили для его замысла. Как правило, дубленки и шубы не приобретались продавцом заранее, а брались у производителя под реализацию. В определённый день владелец товара и продавец производили взаимные расчёты по проданному товару или следовал его возврат в случае отсутствия спроса у покупателей в оговоренный срок. Задача простая – установить точку, успешно поторговавшую в текущем месяце и, опередив владельца товара, получить деньги вместо него. Дело за малым – изящно реализовать задумку. Несколько часов размышлений и прикидок потребовалось на разработку механизма операции и доведения его до совершенства в теории и, как говорится, пришло время выхода на «полигон».

Он находился в десяти метрах от облюбованного объекта, когда интуитивно почувствовал опасность. Ощутил её настолько реально, что испугался. Его искали. Он это чувствовал. Нет, знал наверняка. Кто-то настойчиво пытался установить его местонахождение. Сама мысль, что этот некто, каким-то невероятным способом мог отыскать его в огромной многоликой толпе, не только пугала, шокировала. Плохо представляя, как можно избежать опасности, он заметался в поисках спасения. Присутствие ищущего его человека определялось с точностью до нескольких метров. Разделяющее их расстояние было невелико. Без колебаний изме-

нив намеченный маршрут, повернул в сторону привычных продуктовых рядов. Расстояние между ним и преследователем не сокращалось. Охотник точно следовал его маршрутом. Сбить погоню со следа не удавалось. Прошло немало времени, проведенного в гонке по контейнерным лабиринтам. Он петлял подобно зайцу, запутывая следы и в какой-то момент, ему показалось, что преследователь потерял его след. Разгорячённый и усталый, остановился у контейнера, торгующего сырами и колбасами, чтобы перевести дух. Восстановив дыхание, неспешно направился к выходу. Отойдя от безопасного места на несколько шагов, вновь почувствовал, как возобновился контакт с преследователем. Неспешно возвратился на прежнее место, интуитивно чувствуя, что именно здесь находится в полной безопасности.

Наконец, он заметил группу из нескольких человек, быстрым шагом продвигающуюся по контейнерному ряду. Значит, преследователь был не один. Кто они и что им надо? Одержимые азартом погони, люди искали явно его, ощупывая цепкими взглядами лица спящих непрерывным потоком покупателей. Без сомнения, им нужен был он. Что за люди? Основная ударная сила – охранники рынка. Двоих из них он знал в лицо. Эти двое всегда патрулировали продуктовую часть рынка. Остальных участников погони видел впервые. Группа продиралась сквозь толпу покупателей, энергично работая локтями. Впереди шёл невысокий седой человек, держа в руках небольшую металлическую трубку, напоминающую телескопическую удочку с прикрепленной к ней металлической рамкой. Внезапно он остановился, растерянно оглядываясь по сторонам. Двое дюжих охранников неуклюже топтались рядом. К мужчине с рамкой подошёл невысокий человек в очках, и они принялись оживлённо беседовать. Человек в очках в чём-то настойчиво убеждал седого, тот недоумённо пожимал плечами. Боясь, лишний раз пошевелиться, он с нетерпением ожидал ухода преследователей, но группа продолжала топтаться на месте.

Время шло, ситуация не менялась. Страх, зародившийся в душе Беса и не покидавший во время погони, сменился раздражением, вскоре переросшим в ярость. Он сконцентрировался на седом, и, сделав шаг вперед, вышел из под навеса контейнера. Седой покачнулся как от удара, выронив из рук трубку. Странно, но это очевидное событие осталось незамеченным остальными участниками погони. Вероятно потому, что громкий крик продавщицы, торгующей колбасой в контейнере, привлёк внимание охранников. Пышная работница прилавка насканивала на плохо одетого мужичка в потёртом коричневом пальто, размахивая денежной купюрой, зажатой в высоко поднятой руке. Он не мог различить достоинства купюры с того места где находился, но деньги были какими-то странными.

– Что ты мне суёшь? Смотрите-ка люди на этого афериста. . . . Дуру какую нашёл. Я не слепая. . . . Мне, что попало, не всунешь.

– Это я ошибся, – лепетал покупатель, удивлённый неадекватностью возникшей ситуации и агрессивностью продавщицы. – Сейчас дам Вам русские деньги, только успокойтесь, не кричите. Вот, возьмите, пожалуйста. Ну, перепутал человек, что же так орать-то?

Охранники в мгновение ока оказались за спиной незадачливого покупателя, отрезая ему пути к отступлению.

– Перепутал! Знаем мы вас, путаников. Суёт, что попало, а в конце дня подсчитаешь, недостача.

– Нет, пожалуй, не стану ничего у Вас покупать. Мне за мои же деньги ещё и хамят. Слава Богу, дефицита в стране нет, приобретём нужный товар в другом месте.

– Хочешь легко отделаться? – зло ухмыльнулась продавщица, кося глазами на охранников, маячащих за спиной у незнакомца.

– Возникли проблемы, Валя? – мягко спросил мужчина в очках, косясь на незадачливого покупателя.

– Вот, полюбуйтесь, Борис Моисеевич, что мне этот аферист пытался всучить вместо денег. Фантики какие-то.

– Фантики, – презрительно скривил губы покупатель. – Да гривня дороже ваших рублей. И вообще, в чём дело? Что за выяснение отношений?

Мужчина резко повернулся и попытался уйти. Дорогу ему преградил ухмыляющийся охранник.

– Куда это мы так торопимся? У нас так дела не делаются, – навалившись всей массой огромного тела, охранник теснил незадачливого покупателя к прилавку. – Поговорим, познакомимся...

Дальше произошло то, чего не мог предположить никто. Мужчина, отступая под натиском напирającego охранника, сгруппировался и ринулся вперёд. Удар головой в солнечное сплетение был настолько силён, что опрокинул охранника на землю, чем беглец не преминул воспользоваться. Но уже было поздно. Слухи о поимке Рыночного Беса разнесся по торговым рядам. К месту конфликта подтягивалась возбуждённая толпа, среди которых было много людей в камуфляжной форме. Беглеца перехватили, повалили на землю. Началась потасовка. Вслед за звуками полицейского свистка у свалки человеческих тел появился наряд представителей правопорядка. Седого мужчину с трубкой в руках нигде не было видно. Рыночный Бес, воспользовавшись благоприятным случаем, незаметно улизнул. В этот раз судьба была к нему благосклонна, уберегла от расправы. Быстрым шагом направился к строящейся части рынка, который расширялся, захватывая все новые территории. Здесь находился ближайший выход в город. Хотелось бежать от опасности, но он сдержался. Бегство привлечет ненужное внимание зевак, это он знал точно. Выйдя за пределы рынка, оказавшимся в этот день таким негостеприимным, он успокоился, не спеша, направляясь, домой.

Открыв дверь квартиры своими ключами, тихо, стараясь не шуметь, прошёл в комнату. Жена спала на диване, по-детски подперев голову рукой. «Это хорошо, что Лариса спит, – пробираясь на цыпочках в спальню подумал он». Сейчас не до разговоров. Надо остаться наедине со своими мыслями. Подумать, как так могло случиться, что эти люди, интеллект которых он оценивал весьма низко, вычислили его менее чем за два месяца. Где-то допущена досадная ошибка. Промак. Что-то не учёл, не прочувствовал ситуацию. Утратил осторожность. До сегодняшнего дня у него была сто процентная уверенность в своей безнаказанности. И вот тебе на. Не накрыли по чистой случайности. Необходимо успокоиться и проанализировать положение. Он не умел принимать быстрых решений. На раздумья требовалось время. К счастью, оно у него было. А на рынке теперь появляться не стоит. Затаиться надо на какое-то время. Лечь на дно и затихнуть.

С чего все началось? Он отчётливо вспомнил тот день, когда принёс с рынка целую гору мяса, не заплатив за него ни копейки. Как потом, отпросившись с работы, несколько дней опасался выходить из дому, боясь, что его могут искать. Жене не удавалось уговорить его отправиться за покупками, делать которые он прежде так любил, а поскольку решений своих он, как правило, не менял, смирилась. Походы на рынок и в магазины стали теперь её святой обязанностью. Придя однажды домой, жена рассказала жуткую историю, выдуманную, по её мнению, самими же торговками.

– Представляешь, – рассказывала она, смеясь, – они утверждают, будто бы кто-то под гипнозом выманил у продавщицы гору мяса. И, что самое интересное, никто: ни сама продавщица, ни люди из очереди не запомнили этого человека. Помнят какие-то кулинарные рецепты, а лицо человека никто припомнить не может, будто и не было его вовсе.

– Средневековые, – пробормотал он, стараясь не обнаружить своего интереса к рассказу. – А, что за рецепты такие?

– Я сама толком не разобралась, но, по всей видимости, случилось коллективное помешательство. Можешь поверить, все кто стоял в очереди, включая продавщицу, в тот момент думали об одних и тех же рецептах приготовления мяса и чего-то там ещё. Представляешь,

они уверены, что гипнотизер, подобным образом отвлекая внимание толпы от собственной персоны, утащил мяса почти на пять тысяч рублей.

– Надо же. Гипнотизёры и те оголодали. До чего опустились, мясо на рынках воруют. Чего только люди не придумают от скуки, – безразлично подвел он итог. – И, что действительно никто этого шутника узнать не сможет?

– Никто представляешь. Никто из шести взрослых нормальных людей, стоявших с ним в одной очереди. Как это тебе?

– Это уже из разряда очевидное невероятное. Стоять рядом с человеком и не запомнить его лица. Подумай сама, возможно ли такое?

– Я лично разговаривала с Верой Евдокимовной об этом инциденте. Она была второй в очереди....

– Это какая Вера Евдокимовна?

– Тёща Жени Самолётова.

– Понятно, – Самолётовы жили в их доме двумя этажами выше. Странно, но на старуху он тоже не обратил внимания. – Ну и что?

– Она вообще утверждает, что в очереди стояли пять, а не шесть человек. То есть, искать надо среди этих пятерых.

Вначале он отказывался верить своим ушам. Возможно, владельцы рынка пытались усыпить его бдительность подобными слухами. А что? Представили случай с похищением мяса как обычные бабские сплетни, не более того. Потом призадумался. Стал анализировать факты, увязывая воедино обрывки сведений, которые до него доходили, со своими собственными наблюдениями. Появились сомнения. Тёща Самолётова не могла его не узнать. Они по несколько раз в день сталкивались на лестничной площадке, в лифте, или у подъезда, где на скамье в компании других бабушек, та любила греться на солнышке. События выстраивались в довольно логичную смысловую цепочку.

С чего всё началось? Он снова и снова возвращался к этому вопросу. С происшествия на даче. Да, точно, на даче во время отпуска. Он отчётливо вспомнил ту грозную ночь, оборванный провод и голубую шаровую молнию. Именно после событий многодневной давности с ним стали происходить странные вещи. Возникает вопрос – после событий или вследствие оных? Во-первых, его странные приступы и ощущение переполнения энергией. Затем помолодевшая Марта, у которой вот-вот появятся щенки – это два. Невиданный урожай на дачном участке, тоже из разряда необъяснимого. И, наконец, его собственные ощущения. Он чувствовал перемены в собственном организме, природу которых как врач объяснить не брался. В силу каких-то непонятных явлений зрение восстановилось полностью, очки за ненадобностью были спрятаны в самый дальний ящик стола. Близорукость, с которой он жил буквально со студенческой скамьи, исчезла. Супруга объясняла это возрастными изменениями. Мол, с возрастом развивается дальновидность, компенсируя, таким образом, близорукость. Пусть будет так, но куда исчезли полиартритные боли в коленных суставах, аллергия и, самое невероятное, восстановились гланды, вырезанные ещё в школьном возрасте по случаю непрекращающихся ангин. То, что удалённые нёбные миндалины не могли регенерировать так же, как отнятая рука или нога, известно даже студенту мединститута начальных курсов. А его организм, поправ все законы анатомии и биологии, возродил их в прежней красе. Загадка? Без сомнения. Есть ещё кое-что – неконтролируемые, невероятной мощи приливы энергии, время от времени сотрясающие его тело. И, наконец, огромная нечеловеческая сила, неизвестно из какого источника наполнившая его мышцы. Появлялось непреодолимое, едва сдерживаемое желание крушить все вокруг. Впервые он ощутил в себе эту мощь ещё на даче. Идя по саду, он споткнулся о пень и, падая, инстинктивно схватился рукой за ствол пятилетней яблони. Он не упал, но дерево вырвал с корнем. Пень также оказался выкорчеванным. Потом были оторванные дверные ручки, погнутые и сломанные ложки и вилки. Весь этот ужас продолжался

довольно долго, пока он не научился кое-как управлять своей силой. Всё это, конечно, загадочно, но какое имеет отношение к событиям последних дней?

На рынке-то произошло нечто иное. Судя по разговорам и пересудам, имел место сеанс массового гипноза. Всё о чём он думал, что хотел получить, передалось каким-то невероятным образом продавщице, и было ею воспринято как руководство к действию. Всё правильно. Гипнотизировать – значит, посредством внушения подчинять кого-нибудь своей воле, своему влиянию. Вот он и внушил продавщице вкусную мысль, а та без лишних разговоров отвалила ему мяса, да еще дала сдачи с несуществующих пяти тысяч. Стоп! Что-то здесь не вяжется. Он помнил из курса физиологии, что процесс гипнотизирования многоступенчатый. Вначале следует подготовительная беседа, затем осуществляется тестирование на внушаемость и, только потом, реализуется та или иная формула внушения. Вот в чём заковыка. Гипноз – это словесное внушение, а он точно помнил, что стоя в очереди не произнёс ни единого слова. Даже тогда, когда продавщица отвешивала ему мяса. Он в тот момент по своему обыкновению изобретал изысканные рецепты великолепных блюд из продуктов, лежащих за стеклом витрины. Такая у него выработалась многолетняя привычка, при виде набора продуктов, дать волю кулинарной фантазии. Помечтать, какие блюда из них хорошо бы было приготовить, под каким соусом подать. Соусы были его кулинарной страстью. Любое, даже самое простое по вкусовым ощущениям блюдо, при правильно подобранном соусе становилось деликатесным. С аппетитом поглощая созданные мужем блюда, жена безапелляционно утверждала, что в нём дремлет талантливый кулинар. Но как он смог внедрить рецепты мясных блюд в голову всем стоящим в очереди и продавщице? Ведь он не произнёс ни единого слова. Это вопрос. Телепатия? Стоя в очереди, он передавал мысли о кулинарных изысках окружающим. Зачем? Он ведь этого не хотел. Не было такой цели – передавать мысли на расстояние. Загадка. Надо при случае пообщаться с Верой Евдокимовной.

Как-то встретив старушку на лестничном марше, ненавязчиво поинтересовался её рыночным приключением. Вера Евдокимовна, ставшая знаменитостью в связи известными событиями, в который уже раз поведала необычную историю очередному любопытствующему соседу. Удивительно, но, несмотря на возраст и порожденный им склероз, она довольно сносно изложила рецепт печёночного паштета, не перепутав ни одного ингредиента. Сомнений не было, этот один из трёх рецептов обдумываемый им во время томления в очереди. Строя различные поведенческие схемы он поймал себя на мысли, что профессионализм, всё-таки, берёт свое. Сейчас он размышлял как учёный, столкнувшийся с проблемой требующей незамедлительного решения. Первое, что надо сделать – сбросить с себя тяжёлый груз психологической доминанты гонимого человека. Отстраниться, забыть, что он в центре событий. Что это на него ведётся охота. Проблему надо тщательно рассмотреть со стороны исключив любое эмоциональное проявление. Изучить, оценить и сделать правильные выводы. Взгляд независимого исследователя привёл его к убеждению, что встреча с голубым шаром не прошла бесследно. Надо было разобраться в себе, скрупулезно изучить изменения с ним происшедшие. Путем построения поведенческих схем выяснить, действительно ли он обладает особенными, не присущими обыкновенному человеку способностями или всё это бред. Простое стечение обстоятельств. После недолгих раздумий и прикидок, в качестве наиболее информативного и достоверного способа установления истины, был выбран эксперимент. Если дар телепатии имеется, и он обладает умением внушать мысли на расстоянии, это несложно проверить. Необходим подходящий для проведения эксперимента объект. С выбором объекта особых проблем не предвиделось. Поскольку его перемещения были ограничены стенами собственной квартиры, выбор пал на одно из двух живых существ, помимо него обитающих здесь же, а именно на жену. Интеллект помолодевшей Марты для поставленной цели не годился. Впрочем, она сама была загадкой.

Идея использовать в научных целях самого близкого человека была не нова. Ещё на заре своей профессиональной деятельности пришлось ему работать бок о бок с терапевтом буквально помешанным на лечении травами. И фамилия у него была соответствующая, Травкин Семён Дмитриевич. В нагрузку к любому рецепту, выписанному больному с учётом рекомендаций «Фармакопеи», Семён Дмитриевич настойчиво советовал применять лечебные травы. Он легко внушал надломленным болезнями пациентам, что любой фармакологический препарат, как правило, имеет противопоказания, травы же можно применять смело, не боясь побочных действий. Надо отдать должное, во многих случаях настои и отвары оказывались значительно эффективнее лекарств полученных химическим путём. С этим самым доктором Травкиным и произошла скандальная история, разрушившая семейную жизнь травника-энтузиаста. Одержимый идеей траволечения он каждый свой отпуск проводил в малопривлекательных, забытых Богом уголках страны, где производил сбор редких лекарственных растений и их семян. Особо ценные экземпляры он культивировал на своём приусадебном участке. Все шесть соток огорода были плотно засеяны лекарственным разнотравьем. Всякие попытки жены сунуть в землю какой-либо полезный овощ встречали столь яростный отпор, что она, в конце концов, смирилась с использованием огорода не по прямому назначению. Но это еще, куда ни шло, были и неудобства похлеще. Огромные альбомы с гербариями растений заполнили все имеющиеся в квартире шкафы и полки. Снопья трав и веток, свисающие с потолка, сводили жизненное пространство квартиры к минимуму. На плите, в эмалированных кастрюлях, давно потерявших свой первоначальный вид, всегда готовились какие-то вонючие отвары, насыщая смрадом квартиру. Несколько раз, исключительно из гуманных соображений, хозяйка попыталась добавить в кастрюлю некоторое количество ароматических приправ. Но застигнутая за этой процедурой супругом, получила такой скандал, что у нее пропала всякая охота к дальнейшим экспериментам. Травкин рыдал над сливаемым в унитаз испорченным отваром, как над самым близким усопшим родственником, проклиная жену и ее устоявшие хозяйственные навыки. С тех самых пор над плитой был вывешен транспарант, на котором огромными буквами было начертано: «Не солить. Специй не добавлять. Убью». Семейная жизнь с человеком одержимым идеей сама по себе не сахар. Для нормального человека она довольно сложна и непредсказуема, особенно если навязчивой идее посвящается не только рабочее, но и всё домашнее время. А случай этот, как раз и был из разряда хронических. Особую страсть Семён Дмитриевич питал к исследовательской работе с травами, лечебный эффект которых был не изучен или изучен недостаточно полно. Самым же надёжным и эффективным способом установления эффективности воздействия лекарственного растения, как известно, является введение его в организм лабораторных животных и добровольцев из числа живых людей. С лабораторными животными проблем не было. Белые крысы и морские свинки томилась в клетках и банках в одной из спален, отведенной под лабораторию. Иногда животные совершали дерзкие побеги из мест заточения и путь их, почему-то, всегда лежал через кухню, где колдовала над плитой жена. Всякий раз, обнаруживая беглеца у своих ног, она истошно вопила, поскольку «ужас, как боялась всяких этих мышей» и карабкалась на табуретку. Окончательно женщина успокаивалась только после поимки грызуна и возвращения его в место заключения. Эксперименты с лабораторными животными всегда проходили гладко, поскольку желание или нежелание последних участвовать в опыте естествоиспытателя интересовало мало. Хуже обстояло дело с добровольцами, которых не удавалось соблазнить никакими пряниками. Коллеги по работе и соседи по дому, зная одержимость Травкина, всерьёз и не без оснований опасались стать жертвой его сомнительных экспериментов. Первыми почувствовали неладное коллеги-медики еще на заре деятельности травника, поскольку профессионально могли оценить состояние не только чужого, но и своего собственного организма. Они обратили внимание на некоторые неприятные постоянно меняющиеся симптомы расстройств жизнедеятельности их организмов, возникающие после чаепития на работе. Небольшой консилиум, собранный для установления истины заин-

тересованными лицами, пришёл к печальному выводу – чай, закупаемый ими в соседнем магазине, и есть искомая причина всех бед. Чай был изъят из шкафа и тщательно исследован органолептическим методом, то есть, рассмотрен, обнюхан, опробован языком. Визуальный осмотр дал нужный результат. В чай была подмешана неизвестная трава. Обмен мнениями и наблюдениями оказался плодотворным. Кто-то вспомнил, какой интерес к здоровью пострадавшего коллеги всякий раз проявлял Травкин. Он подробно расспрашивал о симптомах, аккуратно записывая результаты опроса в толстую тетрадь. А поскольку страстное увлечение коллеги ни для кого не являлось большим секретом, не трудно сложить два и два, чтобы в итоге получить искомые четыре. Доктора быстро сообразили, что помимо своей воли, можно сказать, в принудительном порядке, оказались участниками эксперимента на людях, как известно запрещённого мировой общественностью. Провинившегося тут же извлекли на суд праведный и после нескольких минут допроса с пристрастием, выбили из него необходимые показания. Преступник тут же повинулся, прося пощады у разъярённых коллег. В качестве оправдательного аргумента, напирал на тот факт, что всё это безобразие творилось из любви к науке и истине, непонятно каким образом с этой самой наукой связанной. Поостыв, доктора решили шум не поднимать, но чай, сахар и другие сыпучие продукты с тех самых пор запирались в шкаф, куда Травкину доступ был заказан. Но всё же, несмотря на принятые предосторожности, освежающие напитки находились у коллег Травкина под большим подозрением. Прежде чем заварить чай в кружке, он постоянно обнюхивался и внимательно осматривался очередным любителем прекрасного тонизирующего напитка на предмет наличия в нем посторонних добавок. Делалось это особенно тщательно, если Травкин крутился здесь же в ординаторской. Соседи, пережив несколько стрессов и интуитивно вычислив, откуда ветер дует, старались у этой семьи ничего не одалживать: ни соли, ни сахара, ни, упаси боже, чайной заварки. Прямых обвинений никто не предъявлял, но судя по косвенным уликам, к семейству Травкиных доверия не было.

У опального учёного оставалось два последних пути. Первый он нащупал совершенно случайно. Как-то возвращаясь вечером домой, он был окликнут соседом – известным выпивохой и бузотером. Тот, прижимая руки к груди и клятвенно обещая, что через пару дней отдаст, просил денег «на похмелку». Травкин знал, сосед назанимал уже у всех жильцов дома и долги не возвращал в связи с чем, на все просьбы о заимствовании следовал, как правило, отказ, выражавшийся иногда в весьма неучливой форме. Травкин быстро сообразил, какая ему выпала неожиданная удача. Тут же он предложил страждущему соседу выпить имеющийся у него спиртовой раствор малоизученного растения, давно ожидающего серьезного исследования. Травкин пояснил задавленному сушняком страдальцу, что денег у него нет, но он мог бы предложить настоянные на спирту лекарственные травы. И, если сосед и его уважаемые собутельники желают, он мог бы безвозмездно, так сказать, исключительно из сострадания к их плохому самочувствию, помочь. Коллектив алкоголиков, подтянувшийся к месту переговоров, всеми возможными способами убеждали доктора, что если бы он только знал какие напитки они, бывает, употребляют вовнутрь, то перестал бы терзаться сомнениями в отношении каких-то там слабых травок. На том и порешили. Каждый получил своё. На следующий день, возвращаясь с работы, он вновь встретил вчерашнего знакомца. Тот понуро сидел на лавке и был абсолютно трезв.

– Как вчера погуляли? – поинтересовался Травкин, присаживаясь на край лавки.

Алкоголик отреагировал на человеческую речь, поднятием головы, уставившись туманным взором на Семёна Дмитриевича.

– Ну и бухалово у тебя док.... Зверское, – наконец признал он вчерашнего благодетеля. – Меня вчера так дёргало и крючило.... Думал всё, конец. Отпукался. А мужики до сих пор никак не оклёмаются.... Вот один сижу.

Эффект от приёма препарата, в основном, соответствовал описанному в литературе. Но более полный анамнез, полученный путём детального опроса грустного подопытного, позволил обнаружить и симптомы, не отмеченные предыдущими исследователями.

Всё течёт, всё изменяется. Вскоре и этот источник иссяк. Число желающих отведать травкинские эликсиры катастрофически падало. Алкоголики избегали Семёна Дмитриевича как чумного. Он не единожды подходил к ним, предлагая помочь поправить здоровье. Но те категорически отказывались, упирая на то, что завязали. В одном случае это заявление оказалось правдой. Жена одного из подопытных, поймав Травкина в подъезде, долго и душевно благодарила доктора, за то, что вылечил мужа от алкоголизма, пытаясь всучить непьющему Травкину бутылку коньяка в знак благодарности. При очередной попытке сунуть пьяницам бутылку, ему в грубой форме объявили, что один его, Травкина, вид вызывает у них отвращение к алкоголю и попросили впредь не беспокоиться по поводу их проблем.

Оставался последний путь – ничего не подозревающая супруга. Это был выход из безвыходного положения. Через неделю после начала эксперимента, подопытная стала проявлять первые признаки беспокойства по поводу странных сбоев, происходящих в её организме, работающего до сего момента как швейцарский часовой механизм. Симптомы были такие, что не приведи Господи. Длившийся сутками изнурительный дизентерийный понос, удерживающий несчастную женщину в зоне двадцатисекундной готовности к запрыгиванию на унитаз, вдруг сменился столь длительным запором, что она ни как не могла взять в толк, куда исчезают продукты, съеденные ею за последнюю неделю. Муж успокаивал, ссылаясь на солидный возраст любимой, наступление климактерической перестройки организма и всё такое прочее. Глаза на правду женщине открыла ближайшая подруга, пару лет назад отведавшая травкинской заварки и долго после чаепития лечившаяся от аллергии. Несчастливая супруга прозрела. Стало понятно, откуда на неё навалились недуги, и почему соседи косятся и не здороваются. Семья распалась со скандалом. Ещё долго несчастный участковый бегал от супруги к супругу, пытаясь как-то замять дело «об отравительстве», возникшее на основании заявления поданного потерпевшей.

Опыт коллеги был учтён Бесом. Исследование собственного феномена было решено проводить мягкими формами. Во-первых, требовалось соблюсти чистоту эксперимента. Надо воспроизвести ситуацию на рынке, то есть мысленно отдать жене приказ что-нибудь сделать из работы по дому и потребовать его выполнения. Он усложнил эксперимент. Необходимо заставить сделать то, к чему в обычной ситуации принудить её нереально. Чего бы возжелать, думал он, скользя рассеянным взглядом по стенам. Эврика. Сваленные в кресло гардины и шторы, как нельзя лучше подходили для задуманной цели. Жена страсть как не любила гладить. Подход к утюгу сопровождался большими душевными муками и терзаниями, приводящими к нервным расстройствам и семейным ссорам. Мятое после стирки бельё в их доме, как правило, скапливалось огромными кучами, в то время как жена морально готовила себя к процедуре глажки. Наконец, наступал тот чёрный роковой день, когда она с плохо скрываемым отвращением бралась за работу. Ради нескольких гардин она вряд ли возьмёт утюг в руки, это уж точно.

В тот же вечер он совершил первую попытку телепатического контакта. Жена, как обычно, расположилась перед телевизором с вязанием. Шла энная серия одного из бесконечных и бестолковых телесериалов. На экране кровь лилась рекой, сопки текли ручьями. Супруга сопереживала страстям, кипевшим в ящике, как они любовно называли телевизор. Расположившись в кресле как раз напротив объекта эксперимента он, уткнувшись в газету, принялся внушать жене мысли насчёт гардин, последовательно представив в своём воображении огромную мятую кучу, затем жену с утюгом в руках, орудующую за гладильной доской и, наконец, шторы и гардины, аккуратно развешанные на карнизах. Эффект оказался нулевой. Спицы шевелились в руках подопытной, сплетая из ниток замысловатые петли, в то время

как глаза продолжали неотрывно следить за событиями, разворачивающимися на экране. Что же, отрицательный результат – тоже результат, поскольку позволяет сделать обоснованный вывод. Как же это он запомнил курс физиологии по технике гипноза, прочитанный профессором Смольниковым? Восприимчивость к гипнозу у разных людей неодинаковая. Профессор утверждал, что, в принципе, все люди восприимчивы к гипнозу, но добиться глубокого транса можно лишь у десяти – двадцати процентов. А, бывает, встречаются субъекты вообще не поддающиеся гипнозу. Правда, крайне редко. Возможно, жена является таким уникалом. Впрочем, скорее всего, никаким особым сверхчеловеческим даром он не обладал, что, собственно, и требовалось доказать. Облегчённо вздохнув, он продолжал по инерции разглядывать жилище. Лениво текущие мысли приняли совершенно другое направление. Надо бы обновить обои, думал он, рассматривая потускневший рисунок. Освежить не мешает. После последнего ремонта пять лет прошло. Срок приличный. И, что делать с этой трещиной на потолке, всякий раз появляющейся через месяц после ремонта? Придётся как-то укреплять потолок, чтобы не вело и не рвало обои. Да и вообще, квартирка выглядит убого. Евроремонт нам не потянуть, но кое-что подправить и кое-какую мебель заменить это, как говорится, назрело. Диван совсем разваливается. Ремонтируешь, ремонтируешь, а всё без толку. Окна бы поменять на пластиковые не мешало, а то родные деревянные совсем пришли в негодность.

– В берлоге живём, – услышал он сварливый голос жены. – Ты посмотри, – вещала она, задрав голову, – потолок скоро рухнет. Трещина эта всё больше и шире становится. Обои столетние. А мебель? Диван на ладан дышит. Вот-вот развалится. Надо бы ремонт....

– С чего это ты вдруг озаботилась? – он ошарашено посмотрел на спутницу жизни.

– А, что разве я не права? Надо понемногу шевелиться, приводить квартиру в порядок. Ты бы занялся в ближайшие выходные.... Прикинул, какие стройматериалы прикупить, краску, да обои....

– Я понятно, а ты чем займёшься?

– У меня тоже дел хватит. Портьеры скопились, гардины.... Надо бы переглядеть.... И вообще, прибраться не мешает. Шевелиться надо, а то скоро людей в квартиру пускать нельзя будет, грязью зарастёт.

Не показалось, не привиделось. Есть дар. Опыты на жене продолжались столь успешно, что к моменту выхода на работу по окончании принудительного отпуска, необходимость озвучивать при общении с женой мысли отпала полностью. Она приносила чай или кофе, убирала постель, беспрекословно выполняла разные мелкие поручения, внушённые ей коварным супругом но, при этом, затруднялась объяснить мотивацию поступков.

– Я же не просил чай, – пристально глядя подопытной в глаза, говорил он.

– Мне, почему-то, показалось, что ты хочешь пить, – недоумевала жена, робко приставляя чашку на край тумбочки.

С раннего утра до позднего вечера он откапывал в себе поразительные способности, довольно быстро овладевая ими. Узнать какие мысли крутятся в голове у жены, изгнать их как несущественные, заменив своими, перестало быть для него проблемой. Вслед за женой в разработку пошли сослуживцы. Главный врач всё чаще и чаще с интересом поглядывал в его сторону, считая, что в профессиональном плане он сильно прибавил, и всерьёз подумывал о назначении его заведующим отделением. С коллегами проблем вообще не было. Если у кого-то он и вызывал сиюминутное раздражение, то оно вскоре угасало, не оставляя видимых следов. Возобновились успешные походы на рынок, где процесс познания продолжал совершенствоваться, принося неплохие материальные дивиденды. С кем-то из продавцов контакт удавалось устанавливать просто, с кем-то эти фокусы не проходили. Он уделял максимальное внимание первым и игнорировал вторых, опасаясь провала. И вот вопреки принятым предосторожностям, он едва не оказался в руках своих жертв. Седой с трубкой в руках, вероятно, был экстрасенсом. Рыночный Бес почувствовал его довольно высокую нестандартную энергетику.

Вывод напрашивался сам собой – люди с мощными биополями каким-то непостижимым образом могли обнаруживать друг друга. Неприятное открытие, но, как показал инцидент, надежная защита от подобных феноменов у него имелась. Он немного успокоился, постепенно приходя в себя. Было очевидно, что с рынком всё закончилось. Там его ждут и не для того, чтобы наградить за выдающиеся заслуги в области парапсихологии. Требовались другие источники получения денег, и найти он их должен в самые короткие сроки. О том, чтобы все бросить и забыть, и в мыслях не было.

Глава 5

Федя Самулевич был смышленным ребенком. Ходили слухи, что его появление на свет разительно отличалось от поведения обычных новорожденных. Он не стал криком оповещать мир о своем рождении, считая это лишним. Обозрев родильный зал, окинул оценивающим взглядом медперсонал принимавший роды, он недовольно пискнул, выказывая негативное отношение происходящему. Впрочем, эта история могла быть выдумкой подхалимов и прихлебал. Лястя олигарху, люди удачливее продвигались по жизни. В детстве его поведение также некоторым образом отличалось от сферы интересов и забот прочих сверстников. Любимым занятием Феде было накапливание денег, выдаваемых ему на завтраки родителями, даримые на дни рождения и праздники бабками, дедами и прочими родственниками. Не брезговал он пополнять капитал, продавая сверстникам ненужные игрушки и другие детские вещицы. Дружить он предпочитал с теми детьми, у которых уже в раннем возрасте прорезалась коммерческая жилка. Так, через детские забавы приходило понимание важности и нужности проведения бартерных операций в условиях дефицита наличных денежных средств. Как утверждают очевидцы, не было такого случая, чтобы Федя хоть когда-нибудь остался внакладе. Практически всегда он ухитрялся менее ценную и дешевую вещь обменять на более дорогостоящую и, что самое странное, недовольных почти не было. Родители умилялись коммерческим способностям отпрыска и всячески поощряли выбранный им путь развития личности. Сам папа, торговый работник и известный в определенных кругах хапуга, хвастался в узком кругу знакомых уникальными задатками сына и пророчил ему шикарную перспективу на торговой ниве. Однако радужных надежд предка Самулевич младший не оправдал. Он, правда, с отличием окончил торговый институт, но не более того. Ему хотелось на самый верх. Так высоко, чтобы стать недостижимым для структур особенно назойливо интересующихся несправедливой стороной жизни советских граждан. Уверения отца, что при грамотном и осторожном ведении дел непотопляемость гарантирована, сын на веру не принимал. Он понимал, способность отца удачно выскакивать из различных неприятных ситуаций носит характер непостоянный и достаточно одной небольшой ошибки или оплошности, чтобы сесть надолго. Жизненные же планы Самулевича младшего не предусматривали освоение северных территорий необъятной Родины где, как известно, двенадцать месяцев зима, а остальное лето. Будучи от природы человеком наблюдательным замечал, как бы папа не хорохорился и не пыжился, постоянно терзающий душу страх перед возможным возмездием за содеянное никуда не исчезал. Высокая вероятность того, что все его дела и делишки могут всплыть и стать достоянием ОБХСС и прокуратуры, прогоняла сон и уничтожала аппетит. Нет, трястись каждый день в ожидании, что тебя сцапают нехорошие дяди и приговорят к длительному сроку лишения свободы за украденную копейку – это не его путь.

Хорошо подумав и взвесив все за и против, в качестве трамплина для стартового рывка он выбрал комсомол. Это было то, что надо. В условиях развитого социализма только компартия решала, кого из проштрафившихся граждан посадить, а кого помиловать. Своих на расквартацию она отдавала крайне редко и неохотно. Здесь пахло перспективой, и довольно удобная дорога для продвижения вверх по служебной лестнице просматривалась весьма отчетливо. Комсорг группы, курса, института – этот путь он проделал за три с небольшим года и по окончании ВУЗа, в качестве приза за упорство и настойчивость в достижении цели, получил парт-

билет и малооплачиваемую должность инструктора горкома партии. Папа был в шоке. Менее способные, но лучше устроенные сокурсники открыто насмеялись над неудачным выбором Самулевича.

Время топало по стране неуклюжими, но катастрофически разрушительными шагами, столкнув со своего пути вялотекущий социализм и похоронив всякую надежду хотя бы немного пожить в разрекламированном коммунистическом обществе. А жаль, хотелось бы понять, к чему мы так безудержно стремились семьдесят с лишним лет. Не случилось. Чисто советский подход к рыночной экономике породил такой дикий и необузданный капитализм, что весь цивилизованный западный мир отказывался его признавать как путь развития нормального человеческого общества. Это было тяжелое время для подавляющей части бывшего советского народа, но только не для Самулевича и таких дельцов как он. Пришло его время. Экономика валилась и рушилась на глазах. Предприятия меняли государственную форму собственности на частную с космической скоростью. Новыми владельцами становились те, кто ближе стоял к рычагам распределения недвижимости и других значимых активов. К рукам Федора Корнеевича прилипло по тем временам немало. Пара заводиков, магазины, рестораны, рынок, да разве перечислишь все, что входило в бизнес интересы новоявленного капиталиста. Вскоре появился и свой банк. Случались и неприятные моменты мешающие развитию бизнеса и подрывающие его устои. С появлением богатства, как грибы после дождя возникли определенные группы людей, желающих вырвать свой кусок пирога из рук вновь испеченных буржуинов. В Советском Союзе не имели понятия, что такое рэкет, поскольку у граждан, живущих в условиях развитого социализма отнимать было нечего. Многие состоятельные люди не желавшие делиться частью своих доходов с местным криминалом, вскоре находили упокоение на городском кладбище. Были в их числе и несколько удачно стартовавших сокурсников Самулевича, неосторожно выпятивших на всеобщее обозрение свои финансовые успехи. Остальные, видя такие радикальные подходы к переделу собственности, нехотя развязывали мошну, отстегивая требуемые суммы.

Не обошла чаша сия и Федора Корнеевича. На его бизнес нацелился один из самых авторитетных бандитов города по кличке Крест, присмотревший в качестве вотчины для себя рынок, входящий в бизнес – империю Федора Корнеевича. Начальник райотдела милиции, которому была подконтрольна территория рынка, был старым приятелем Самулевича еще по комсомолу. А старая дружба, как известно не ржавеет со временем. Узнав о проблемах Федора Корнеевича, он вмешался в ситуацию настолько решительно, что Крест почуял в воздухе запах тюремной камеры. Доверенное лицо начальника райотдела лично следило за тем, чтобы людей Федора Корнеевича не обижали и тот не жалел денег на оплату подобного рода услуг. Бывший шеф и наставник по горкому партии свёл будущего олигарха с капитаном Даниловым, сотрудником местного КГБ, и с этого времени всем, кто имел неосторожность интересоваться бизнесом Самулевича, в весьма доходчивой форме внушалась мысль о вреде подобного любопытства. Но мудрый Самулевич не откинул Креста на обочину дороги, по которой полноводной рекой протекали финансовые потоки. Понимая, насколько бандит и его люди могут пригодиться для поручений, вступающих в противоречие с законом, нашел ему место в своем бизнесе. И такие люди требовались Самулевичу для управления обширной империей. Крест принял предложенные условия и вопрос о том, кто в городе хозяин был решен однозначно.

Шли годы. Бизнесу Самулевича стало тесно в границах родного города. А с переводом Данилова в центральный аппарат КГБ открылась перспективная возможность закрепиться в столице. Деньги и связи сделали Федора Корнеевича не только успешным бизнесменом, но и влиятельным политиком государственного масштаба. Бизнес расширялся, лояльное отношение к нему сильных мира сего, гарантировали долгую безоблачную перспективу. Но, как говорил мудрый Соломон «все проходит» с течением времени. Сменилась власть, пришел

новый президент, в одночасье, изменив ситуацию в худшую сторону. Федор Корнеевич не пришелся ко двору. Ошибся. Поддержал на выборах не ту партию. Трудно определить какая лошадь придет к финишу первой, если все они одной масти и похожи друг на друга как однояйцовые близнецы. Вот он и поставил не на ту, оказавшись чужим на этом празднике жизни. Пришла новая команда, которая не нуждалась ни в советах, ни в поддержке Самулевича, ни, тем более, в его деньгах. Оставаться в столице – значит быть бельмом в глазу у новой власти. А, что такое бельмо в глазу? Оно мешает видеть, раздражает и его все время хочется удалить. Федор Корнеевич быстренько свернул и политическую, и деловую активность, решив смутные времена пересидеть в родном городе. Уподобился богомолу, затаившемуся в многочасовом ожидании удобного момента для атаки. Лишившись поддержки старого приятеля, потерял хлебную должность и Данилов. В чине генерал-майора он с почетом был отправлен на пенсию. Не видя для себя в столице заманчивых перспектив, устремился вслед за Самулевичем, заняв в его империи должность начальника службы безопасности. Надо было возвращать командные позиции в городе.

Но не тут-то было. Действующий мэр пользовался популярностью у жителей города и имел отличные отношения с властью. Будучи прожженным до мозга костей бюрократом, он проигнорировал заманчивые предложения опального олигарха. Мэр был умен, нетороплив в принятии решений и прекрасно разбирался в хитросплетениях интриг, царивших в коридорах власти. Альтернативе сомнительной дружбы с опальным олигархом он выбрал лояльное отношение к новой власти. Договориться полюбовно с хитрым мэром не получалось. Оставался единственный путь – устранить строптивного градоначальника и заменить его своим человеком. Сегодня эта проблема довольно ощутимо беспокоила Самулевича и он требовал от Данилова решить ее в самые кратчайшие сроки.

Данилов, сидя в кресле напротив шефа, задумчиво постукивая костяшками пальцев по ручке кресла, внимал указаниям олигарха.

– Ты пойми, – внушал Самулевич Данилову, удобно расположившись в кресле напротив, – пока Ершов сидит в кресле мэра, у нас в этом городе постоянно будут возникать проблемы. Заметь, все наши коммерческие структуры испытывают определенные трудности в вопросах договоренности с городскими властями.

– Ты не преувеличиваешь роль мэра в твоих проблемах? Ну, кто такой мэр в сравнении с тобой – одним из богатейших людей страны, народным депутатом? Пешка. Сегодня его избрали мэром, завтра переизбрали и он никто. Небольшие финансовые вливания и этот мэр исчезнет, растворится в тумане большой политики.

– Стареешь, Гриша. Теряешь бдительность и способность прогнозировать ситуацию. Да, он никто, пока представляет только себя. Но чувствую я, слышишь, шкуркой чувствую, не может он себя так нагло вести, если за спиной нет поддержки. Такой, Гриша, поддержки, что даже я ему не страшен. Улавливаешь о чем я?

– Ты полагаешь, что тебя будут дожимать через мэра? Бред! Ну, изгнали тебя из столицы. Так случилось. Ушел тихо, без шума, гама и громких политических заявлений о гонениях, организованных на тебя теперешней властью. Принял условия игры и покинул сцену. Зачем добивать человека, находящегося за кулисами большой политики. Или я чего-то не понимаю, а, Федя? Что же касается мэра, его ведь фамилия не Бессмертный? Только скажи...

– Ты не хуже меня знаешь – бывших политиков не бывает. И бизнесменов бывших тоже не бывает. Особенно, если это крупный бизнес, не задействованный действующей политической властью. Только дурак может смириться с подобным положением. Капиталы, не контролируемые руководством страны, могут быть использованы против них. Это прописная истина. И доносить меня, как ты выразился, будут не только через мэра. Мэр это так – витрина. Я думаю, что силы будут задействованы весьма серьезные. Так, что бессмертный мэр или не бессмертный никого не интересуется. Там где работает система, личность мало что значит.

Не Ершов, так другой человек объявится. А вот если с нынешним мэром несчастный случай произойдет, на что ты так прозрачно намекаешь, так первым на кого покажут пальцем – это буду я. Понимаешь? Может быть, на этом весь их расчет и построен.

– А ты не перестраховываешься? Я понимаю нервы на взводе. События последних месяцев здоровья не прибавили. Надо отдохнуть, успокоиться. Твоя вилла в Испании как нельзя лучше подходит для этих целей. Отдохнешь, подлечишься. А мы здесь посмотрим, по чьему сценарию будут развиваться события.

– Ты так считаешь?

– Ну, конечно же. Давай спокойно проанализируем ситуацию. Как обошлись с теми, кого действительно дожимали по полной? Кто сидит, а кто по заграницам прячется. Что мешало им также разобраться и с тобой?

– Что мешало? Я скажу, что. Те политические силы, куда я вливал и вливал миллионы, как в бездонную бочку. Именно они не позволили власти смести меня. Это: и отдельные политики, работающие в аппарате нынешней власти и оппозиция. В моем теперешнем положении, деньги, потраченные на оппозицию, все равно, что положены на счета швейцарского банка. Если бы я их не подкармливал, может быть все и не закончилось простой ссылкой сюда, на малую Родину.

– Убедительно. И чего же нам ожидать?

– Если бы я знал! Что тебе удалось накопать по мэру? Есть за что зацепится?

– Не биография, а наградной лист. Человек в высшей степени порядочный, семьянин, радетель за народ и, вообще, со всех сторон положительная личность. Ни одного темного пятна, ни на биографии, ни на совести.

– А подробнее.

– Пожалуйста. Здесь, в этой папке весь его жизненный путь, включающий детские, юношеские годы, вплоть до сегодняшнего дня.

– Детские годы можно опустить. Начни сразу с юношеских лет.

– Школьные годы чудесные, я думаю, также не представляют для нас особого интереса. Престижную школу с математическим уклоном окончил с золотой медалью. А как же могло быть иначе при папе, втором секретаре обкома?

– Помню я его, комсомол в области курировал. Жесткий был мужик. Как там он кстати.

– Почил в бозе три года назад, но сыночка успел протолкнуть. Старые связи в этих кругах не ржавеют и не рвутся от времени. Вчера ему подставили плечо, сегодня он кому-то подставит. Сам знаешь, как это делается.

– Знаю, сам из этих кругов вышел. Вот это-то и кажется мне странным. Что-то, а договариваться эти люди умеют. Сглаживание острых углов – их вторая специальность. Более того, хобби. Так почему же он не хочет решать дела со мной полюбовно? Зачем ему эта война, если всего можно достичь мирным путем? Вот то-то и оно. А кто может мэру, человеку избранному народом, ставить условия и навязывать правила поведения? Смекаешь?

– Только действующая власть.

– Продолжай.

– Так вот, наш подопечный – студент политехнического института. Здесь так же все гладко. Ленинский стипендиат, участник международных научных конференций, гордость института. На последних курсах института начал работать над кандидатской диссертацией под руководством заведующего кафедрой Словетова Дмитрия Антоновича, доктора наук, профессора. Опять же, друга юности Ершова старшего.

– Понятно. А как там обстояли дела с бытом. Для золотой молодежи и в те времена законы были не писаны. Кабаки, девочки?

– Ничего подобного не было и в помине. Строгие моральные устои – отличительная черта семейства Ершовых. Кодекс строителя коммунизма читлся здесь выше Библии. На первом

курсе папа даже разместил своего отпрыска в общежитии института, хотя проживать в домашних условиях было куда комфортнее. Правда, продолжалось это недолго, всего один семестр, но тем не менее.

– Не прижился в студенческой среде?

– Не в этом дело. С его соседом по комнате случилась весьма большая неприятность, и, вероятно, дабы все это не отразилось на карьере сына, папа быстренько его вернул домой.

– Что за неприятность?

– Даже не неприятность, а скажем так, трагедия.

– Интересно. Можно подробнее?

– Однокурсник и однокашник Ершова, некто Снетков Виталий Игоревич, был обвинен в убийстве двух несовершеннолетних девиц легкого поведения. Малолетние проститутки постоянно терлись возле общежития и некоторые студенты время от времени пользовались их услугами. Снетков пригласил девочек в общежитие, понятно с какой целью. Что там дальше произошло, покрыто мраком, но только в парке, недалеко от общежития, спустя какое-то время были обнаружены трупы этих девочек, а сам Снетков выбросился с крыши общежития.

– И концы в воду. А где же в это трагическое время находился наш нынешний мэр? Случайно не на соседней койке?

– Нет. Его в тот день в общежитии не было. Они с папой Ершовым в ту ночь были на рыбалке. Оправдывали фамилию. Если ты помнишь, он был страстным рыбаком.

– Да помню. Первые зарыбленные водоемы в области его заслуга. Въезд только по спецпропускам с его подписью. Никаких посторонних лиц. Но мы-то с тобой попадали в эти райские места.

– Клев там был всегда отменный. Мне иногда даже казалось, что там рыбы больше, чем воды.

– Люди Ершова следили за этим делом. Подкармливали рыбу, разводили молодняк. Все на потоке. Он же беспокоился о том, чтобы его людей не обижали ни с зарплатой, ни с льготами. Поэтому, не надо быть пророком, чтобы предположить, люди эти подтвердят все, что было заявлено кормильцем и благодетелем.

– Так оно и случилось. Более десятка свидетелей подтвердили, в момент убийства Ершов младший был на водоеме и даже поймал там крупную рыбу.

– Что я говорил? Все чисто, не подкопаешься. Чувствуется опытная направляющая длань.

– Может быть, ты и прав, только, что с того. Сейчас, через столько лет, восстановить хронологию событий вряд ли удастся.

– Скорее всего. Кто вел расследование?

– На место происшествия выезжал некто Огородников Павел Григорьевич, следователь уголовного розыска. Затем это дело было передано непосредственно его прямому начальнику Филимонову Игорю Леонидовичу, а со стороны прокуратуры дело курировал Яценко Владимир Владимирович – следователь по особо важным делам.

– Яценко я хорошо знаю. Последние годы работал в генеральной прокуратуре. Да и Филимонов, если не ошибаюсь, был начальником областного УВД, но не долго.

– Совершенно верно. Погиб в автомобильной аварии. Яценко до сих пор коптит небо. Заслуженный пенсионер.

– А как там тот, третий, который выезжал на место происшествия.

– Огородников? Вскоре после событий получил повышение и был направлен куда-то на юг. Тоже не обидели.

– Кто знает, кто знает. Убрали с глаз долой, хотя и с повышением. Ты поищи этого Огородникова. Чем черт не шутит, вдруг у него обнаружится то, что нас интересует.

– Вряд ли он стал бы рисковать, скрывая улики против сына Ершова. Это смертельный риск.

– Но ты все-таки поищи, – настаивал Самулевич.

– Хорошо, попробую.

– Вот и отлично. Все обсудили?

– Есть еще кое-что, – неопределенно сказал Данилов.

Самулевич вопросительно посмотрел на начальника службы безопасности. Тот продолжил.

– На рынке кто-то вот уже более двух месяцев изымает товар из торговых точек. Судя по технике изъятия продуктов питания или промтоваров – гипнотизер довольно высокого уровня.

– Что-то я не совсем понимаю...?

– Все очень просто. Подходит, внушает продавцу, что товар оплачен и был таков. Товара берет на сумму от пяти до двадцати тысяч рублей с носа, причем регулярно. Голубович, заместитель директора оптового рынка, привлек к поимке экстрасенса, но безрезультатно. Поймали какого-то постороннего мужичка, не имеющего к хищениям никакого отношения.

– Зачем же он берет еду? Проще брать деньги с его-то талантом.

– Возможно, ты прав, так было бы лучше. Но он берет то, что считает нужным, и логику его поступков понять сложно. Мало того, на рынке погиб один из охранников и открыто уголовное дело по факту его убийства. Подозревают Беса.

– Кого?

– Люди прозвали этого ловкача Рыночным Бесом, – пояснил Данилов.

– Очень занимательно. Только я вот не пойму одного, зачем ты мне все это рассказываешь? – пристально посмотрел на Данилова олигарх. – Твоя епархия, ты и занимайся этим клоуном.

– На носу выборы мэра и наши противники воспользуются любым случаем, чтобы пошатнуть твои позиции в городе. Поэтому, Федя, я отслеживаю любое событие, которое не вписывается в обычные рамки.

– Ты прав. Давай сюда этого..., как там его?

– Голубовича.

– Вот именно. Надо побеседовать.

Данилов кивнул, и тяжело поднявшись с низкого кресла, неторопливо направился к двери. Самулевич продолжал сидеть, задумчиво потирая переносицу.

Настроение у Бориса Моисеевича Голубовича было такое, что хоть из окна прыгай. Паршивое было настроение. Ещё вчера процветающий заместитель директора рынка, сегодня к концу дня он мог стать безработным в лучшем случае или трупом в худшем. Вызов на самый верх других вариантов не предполагал. Вызывал сам Самулевич, а это уже было что-то. Фёдор Корнеевич Самулевич – политик, бизнесмен, миллиардер, владелец такого количества недвижимости во всех уголках мира, которое представить трудно даже многоопытному Борису Моисеевичу, человеку, обладающему богатейшим воображением. По слухам олигарх стоил от полутора до двух миллиардов зелёных, то есть, был человеком далеко не бедным. Заводы, пароходы, полезные ископаемые – всё лежало в зоне интересов Фёдора Корнеевича. Не гнушался он и мелочёвкой – магазинами, парковками, рынками. Владел и тем рынком, где с пользой для себя трудился Голубович. Исполнителей подобных Борису Моисеевичу у Самулевича было несколько тысяч, но узнавал об их существовании он только тогда, когда кто-то имел неосторожность очень сильно провиниться. Настолько сильно, что прежде чем решать судьбу проштрафившегося подданного огромной финансовой империи, Фёдор Корнеевич лично с ним беседовал. Скрыться от Самулевича было невозможно, да и некуда. Голубович это знал наверняка, потому и умирал от страха с того самого момента, как узнал от непосредственного начальства ужасную новость. Он вполне серьёзно и обоснованно опасался, что не доживёт до вечера. Упаковку с валидолом из рук не выпускал ни на минуту, проглатывая одну таб-

летку за другой, но сердце продолжало колотиться как бешенное. Давление, утвердившись на отметке сто восемьдесят на сто десять, не падало, несмотря на принимаемые меры. Предынфарктное состояние, вызванное животным страхом, грозило убить Бориса Моисеевича Голубовича раньше, чем состоится роковая встреча.

В семнадцать часов у правления рынка остановился чёрный джип. Двое бритых громил в коже, вальжной походкой направились в помещение правления. Голубович проводив их взглядом, упал в кресло. Всё, конец. Пришли по его душу. Скрипнула дверь кабинета и гости вошли вовнутрь.

– Ты, что ли, Голубович? – спросил один из гостей и, дождавшись слабого кивка, продолжил, – собирайся, папа ждать не любит.

Подталкиваемый в спину, Голубович засеменил к выходу. Сильные руки затолкали его в машину, которая сорвавшись с места, с невероятной скоростью понесла его на встречу неизбежному.

Самулевич принял всю кампанию в огромном кабинете сидя в кожаном кресле у приставного столика. Он был не один. У камина, спиной к входной двери, стоял Григорий Михайлович Данилов, начальник службы безопасности Самулевича, его правая рука и бывший генерал всеильного КГБ. На кожаном диване, вальжно развалившись, сидел человек, видеть которого, Голубович жаждал меньше всего. Это был Крест – бандит, к услугам которого Самулевич прибегал в том случае, когда требовалось решать весьма деликатные проблемы с конкурентами, должниками, другими лицами, мешающими процветанию бизнеса. Борис Моисеевич был наслышан о Кресте, присутствие этого человека на встрече не оставляло ни малейших надежд на благополучный исход. Самулевич небрежным жестом отпустил сопровождение Голубовича. Когда дверь за охранниками закрылась, в кабинете воцарилась пауза, показавшаяся Борису Моисеевичу бесконечной как полярная ночь.

– Присаживайтесь, – белая холёная рука хозяина указала на кресло с противоположной стороны столика, – беседа у нас, Борис Моисеевич, будет длинная. Надеюсь присутствие моих друзей не вызовет серьёзных возражений с вашей стороны? – спросил он хриплым вкрадчивым голосом.

Чёрный юмор олигарха подействовал на Голубовича, словно удар дубиной по темени. Окончательно пав духом, он не мог выдавить из себя ни слова, трясся в ответ головой, как паралитик со стажем.

– Ну, вот и прекрасно. Я пригласил Вас, поскольку крайне нуждаюсь в подробных объяснениях по поводу необычных событий, произошедших на рынке. Город пропитан слухами о появлении на рынке человека невидимки, как памперс мочой. Согласитесь, довольно странно для совладельца рынка узнавать о событиях, происходящих на подконтрольной ему территории, последним. Куда же это годится? Мы навели справки и, оказалось, что самым осведомлённым в этом плане человеком являетесь Вы, Борис Моисеевич. Поэтому я и взял на себя смелость пригласить Вас, чтобы так сказать, из первых уст услышать эту занимательнейшую историю.

Три пары колючих глаз сверлили Голубовича насквозь, заставляя чувствовать себя неуютно под перекрёстным огнём, но, как ни странно, начало разговора его успокоило. Такого битого волка, каким являлся Борис Моисеевич, невозможно усыпить мягкими речами и дружеским расположением. Он знал истинную цену этим людям и не обольщался на их счёт. За сегодняшний день он пролистал в своём изошрённом по части махинаций мозгу десятки дел и делишек, прокрученных им на рынке без ведома хозяев, и весь день мучительно думал, что же могло выплыть наружу? Интерес хозяев к Рыночному Бесу снял камень с его вороватой души и придал смелости. Он довольно подробно, стараясь не упустить ни одной существенной детали, поведал всё, что знал. С точностью делающей честь его памяти назвал фамилии владельцев товаров, уведенных Бесом, их стоимость, безошибочно указал даты событий и сооб-

шил о мерах лично им принятых по поимке виновника. Рассказал о переполохе, последовавшем за чередой событий. Особо остановился на эпизоде допроса в милиции и скептическом отношении представителей правоохранительных органов к неординарному событию. Прокомментировал странную смерть охранника и изложил свое мнение на этот счет. Закончив рассказ, Борис Моисеевич достал из кармана огромный носовой платок и вытер вспотевшую от напряжения лысину.

– Всё? – после продолжительной паузы поинтересовался владелец кабинета.

– Всё, что сам знаю, Фёдор Корнеевич, – прижал руки к груди Голубович, – как на духу.

– Не густо. Что скажешь, Григорий Михайлович?

Генерал, неторопливо вышагивал по огромному кабинету и не спешил с ответом. Огромный опыт работы в органах приучил его не делать поспешных выводов.

– Я думаю, – наконец услышал Голубович его гулкой голос, – что Борис Моисеевич, в общем-то, правильно оценил ситуацию и действовал в сложившейся ситуации грамотно. Понятно, нам шум по этому вопросу не нужен. Думаю, позже мы обсудим с ним детали ещё раз и посмотрим, какие меры следует предпринять, чтобы подобного инцидента не повторилось.

– Надеюсь, Вы поняли, Борис Моисеевич? Никакого лишнего шума. Обо всём неординарном, что происходит на рынке докладывать Григорию Михайловичу и чётко следовать его инструкциям, – Самулевич небрежным движением руки отпустил Голубовича. Тот, пятясь, выскользнул за дверь, где попал в заботливые руки двух знакомых горилл. Уже позже, сидя у себя в кабинете и бесконечно прокручивая события последних часов, Голубович пришёл к выводу, что сегодня его день. Так повезти может только раз в жизни. Бутылку коньяка, извлечённую из железных глубин сейфа, где она хранилась несколько месяцев, непьющий Голубович прикончил в течение нескольких минут, почувствовав, наконец-то, что впервые за весь день пришло настоящее облегчение.

Когда дверь за Голубовичем закрылась, Самулевич преобразился. Он подтянулся, исчезла напускная вальяжность.

– Ну, – нетерпеливо потребовал он, – что скажешь Гриша?

– Судя по рассказу Голубовича, мы имеем на своей территории экстрасенса высочайшего класса или человека, обладающего выдающимися телепатическими способностями. И этого человека мы не знаем. Кто он? Откуда? Неизвестно. Сам объявился в городе или послал кто? Не понятно. Вот что плохо. Рыночный Бес спокойно на глазах у сотен людей обработал более сорока торговых точек, украл товара на несколько десятков тысяч рублей, и никто его не видел. Как вам такой расклад?

– Ловкий парень, – донеслось с дивана, – что и говорить. Но Вы, Григорий Михайлович, не ушли один небольшой нюанс – этим человеком никто всерьёз не занимался. Голубович со своими потугами ни в счет.

– Крест прав, – Самулевич наполнил бокал вином и поднёс его к губам. – Кто его ловил? Торгаши да Голубович. Если будет надо ты, Гриша, приволочешь мне его через неделю.

– Найти его надо непременно, – быстро заговорил Крест. – Безднаказанность порождает неуправляемость. Сегодня рынок бомбит Бес, завтра к процессу подключится ещё небольшой коллектив экстрасенсов. Так они, пожалуй, Вас и разорят, а, Фёдор Корнеевич?

– Ну, до этого далеко. Чтобы меня разорить одних экстрасенсов маловато будет. Вот если они вместе с прокуратурой и ФСБ возьмутся за дело, тогда у них, пожалуй, ещё что-то может получиться.

– Мне кажется, Федя, ты чего-то недопонимаешь, не улавливаешь момента.

– В таком случае объясни. Я в этих ваших чекистских штучках мало смыслю, но твой интерес чувствую. Этот Бес тебе зачем-то нужен, а Гриша?

– Позарез нужен, Федя. Кровь из носа как необходим. Я Вам кое-что расскажу из жизни и деятельности моей бывшей конторы, поведаю секреты, от которых и теперь кое-кого в дрожь

бросает. Даст Бог, и вы сообразите, что к чему. Всё началось с приезда в СССР Вольфа Мессинга – человека-легенды бежавшего от преследования нацистов в единственную страну, где они его не могли достать. Об этом человеке вы не могли не слышать. Он успешно выступал с представлениями перед обширнейшими аудиториями почти во всех уголках Советского Союза. Его возможности поражали публику – угадывание мыслей на расстоянии, различного рода предсказания и многое такое, что выходило за пределы человеческих возможностей. Естественно, публика принимала его за фокусника. Ловкий человек дурил народ для его же удовольствия и зарабатывал на этом деньги. До сих пор неизвестно, то ли самому Сталину пришла в голову мысль проверить необычный дар Мессинга, то ли ему кто-то подбросил эту идею, но вскоре великий маг и волшебник предстал перед вождём всех народов. Учтите, это сведения достоверные и на сегодняшний день не являются большим секретом. Так вот, Иосиф Виссарионович, который не доверял никому, никогда и ни при каких обстоятельствах, желая проверить наличие дара, поставил перед Мессингом две невыполнимые для обычного человека задачи – ограбить банк и проникнуть на его дачу, охраняемую самым тщательнейшим образом. Но тихо, так чтобы эти действия не сопровождались шумом.

– Покойный Генсек в таких делах толк знал, – ухмыльнулся Крест.

– Продолжай, – велел Самулевич, бросив недовольный взгляд в сторону не к месту развеселившегося Креста.

– Так вот, Мессинг, в благодарность за предоставленное убежище, без энтузиазма, но взялся за это дело. Вначале он в одном из банков Москвы, предъявив кассиру чистый листок, получил сто тысяч рублей наличными. Вы только вдумайтесь. В то время когда и сотня была огромными деньгами для простого человека, кем собственно и был кассир, получить такую сумму из рук в руки. Это сегодня любой бизнесмен может пойти и снять деньги со счёта, никого при этом не удивив. А в те времена лиц могущих позволить держать такие деньги на счету были единицы, и их знала вся страна. С дачей всё также вышло гладко. В оговоренное время Мессинг предстал перед изумлённым вождём, миновав без затруднений одну из самых надёжных охран мира. Когда стали выяснять, как такое вообще могло произойти, чекисты в один голос утверждали, что кроме Лаврентия Павловича, имеющего свободный доступ к телу вождя в любое время суток, никто на дачу Сталина не входил. Как впоследствии выяснилось, в тот раз не входил туда и Берия.

– Зная крутой нрав вождя можно представить его состояние, когда он таким вот необычным образом убедился в ненадёжности охраны, – хмыкнул Самулевич, явно заинтригованный рассказом.

– Как Сталин поступил с охраной, об этом история умалчивает, – продолжил Данилов, – но в то же самое время, по его прямому указанию в структуре КГБ были созданы несколько организаций, которым было вменено в обязанность изучение паранормальных явлений. Благодаря американцам, каким-то образом заполучившим часть материала, работы проводимые КГБ стали достоянием общественности. Пожалуй, самым известным на сегодняшний день человеком, проявившим поразительные парасихологические возможности, явилась Нинель Кулагина. Сохранились видеозаписи её работы с учёными. Уникальность женщины заключалась в ее способности перемещать предметы весом до полкилограмма, не прикасаясь к ним, осуществляя лишь пассы руками. Она же замедляла или ускоряла ритм сердечных сокращений у лягушки. Имеются видеоматериалы, на которых запечатлено как она практически остановила работу сердца у исследователя добровольно подвергнувшегося опасному эксперименту. Стоит отметить, что подобные нагрузки не прошли для Кулагиной бесследно. Она умерла от инфаркта миокарда в сравнительно молодом возрасте. Кстати, при перемещении предметов она постоянно жаловалась на боли в пояснице, какие обычно бывают при выполнении тяжёлой физической работы. Это интересно.

Когда Кулагина сошла со сцены, её с не меньшим успехом заменила телекинетический медиум Алла Виноградова. Сколько таких людей прошло через руки учёных, знают только избранные люди, но то, что исследования, проведенные нашими выдающимися физиологами и психологами дали положительные результаты известно доподлинно. Так совсем недавно всплыла информация об учёном по фамилии Гончаров, создавшем два прибора подающих команды в мозг человека, а попросту говоря зомбирующих его.

– Если я тебя правильно понял, – Самулевич говорил медленно, не отрывая задумчивого взгляда от бокала с вином. – Рыночный Бес – один из избранных? Так почему же он не в клетке? Как органы могли допустить такую самодетельность. Ценный кадр бродит по рынку, обкрадывая мелких предпринимателей?

– Да кому он сейчас нужен, – подал голос Крест, – кто с ним станет возиться... Платить учёным и всё такое прочее?

– Крест прав. В прежнее время подобного разгильдяйства не допустили бы. Сейчас в стране трудные времена. Не до экстрасенсов. Других забот хватает. Последний запомнившийся скандал с участием медиума произошёл во время шахматного матча Карпов – Корчной. Все семьдесят восемь дней напряжённейшего матча, скромный болельщик Владимир Зухарь сидя в первых рядах, внушал Корчному простую до безобразия мысль о том, что он изменник Родины и народа, не имеет морального права на выигрыш и потому должен непременно проиграть. Как известно, диссидент благополучно проиграл. Правда, участие Зухаря в этом проигрыше наши не признали и до сих пор, включая Карпова.

– Откуда они берутся, эти медиумы?

– Это вопрос, Крест. Бывает, рождаются такими, но чаще организм нормальных, в общем-то, людей изменяется вследствие стрессовых ситуаций. Поясню проще. Известная прорицательница Ванга, в двенадцатилетнем возрасте попав в авиационную катастрофу, ослепла, но приобрела способность видеть будущее. К ней во сне явился золотой всадник на золотом коне и объявил, что теперь она стала прорицательницей. Есть предположения, что и Григорий Распутин мог оказаться вблизи места падения Тунгусского метеорита. Хотя, это что-то из разряда «очевидное невероятное».

– Я понимаю ход твоих мыслей, – Самулевич пристально смотрел в глаза Данилову. – Согласен, этого человека нужно заполучить как можно быстрее.

– Убейте меня, но я ничего не пойму. Мы, что институт открывать будем? Исследования проводить и науку двигать?

– Ты помнишь, Крест, что генерал говорил о Нинель Кулагиной? Девушка без особого напряжения останавливала сердце у здорового мужика. Сердце остановилось и мужик, что? Умер бессердечный мужик. Заметь, сам умер. Какие претензии к скромной девушке? Если же учесть тот факт, что этот мужик кому-то очень сильно мешал, то картина становится совсем интересной. Это не твои дуболомы, выпускающие в несчастного килограммы свинца, делающего из его машины дуршлаг. А на пролитые литры крови убиенного очень любят слетаться работники уголовного розыска и прокуратуры. И начинается. Чей почерк, кто стрелял? Но это так, мелочи. Важно другое. Если наш парень сумел в добровольном порядке убедить более сорока человек расстаться со своим товаром не получив ничего взамен, почему ему таким же Макаром не убедить подписать нужный нам контракт не особо утруждая себя его чтением или принять важное политическое решение, иногда так нам необходимое. Я прав, генерал? Ты об этом думал, читая нам лекцию об аномальных явлениях?

– Да, – генерал хитро улыбнулся, – об этом и о другом. – Вспомни, как малоизвестная фирма «Магнус» выиграла несколько богатейших тендеров, без труда растолкав таких монстров, как «Промышленный союз» и «Вече».

– За ними такие люди стоят, – обречённо махнул рукой Самулевич.

– В то время никто за ними не стоял, я наводил справки. А человек, которого они всюду таскали за собой, имел место быть. Интересный человек. Теперь да, у них все схвачено. Более того не перестаёшь удивляться тому, что некоторые чиновники, когда речь шла о «Магнусе», решали в пользу этой фирмы вопросы, ты не поверишь, даже в ущерб собственным шкурным интересам. Согласись, такой патернализм совсем для них не характерен.

– Да как же мы добудем такого монстра, Фёдор Корнеевич, – Крест в недоумении развёл руками. – Предположим мы его нащупали, взяли, тащим к машине впятером и вдруг бац – три инфаркта, два инсульта. Или кирпичом по голове, как того охранника. А человек вновь на воле. Он же так мне всю команду положит и, как говорит генерал, правоохранительным органам даже придраться-то будет не к чему.

– Ты помнишь, Крест, как впервые сел за руль автомобиля?

– Помню, – Крест тупо смотрел на Данилова, не понимая, к чему тот клонит.

– Что сразу сел за баранку и поехал?

– Не сразу, конечно, но освоил вождение быстро. Учителя хорошие были.

– Вот, вот. У Нинель Кулагиной и Аллы Виноградовой учителя тоже дай Боже. Профессионалы. А наш клиент, судя по неуклюжим действиям, своим умом доходит. Он как начинающий водитель – с автомобилем, но без инструктора и самоучителя. Улавливаешь? Но обучается, подлец, очень быстро, судя по фокусам, которые он вытворяет.

– Запомни Крест, – сказал Самулевич, – этот фокусник нужен мне живым и в самое ближайшее время. Детали охоты на этого самого Беса обсудишь с Григорием Михайловичем. Свободен.

Как только за крестом закрылась дверь, Самулевич легко вскочил с кресла, и подойдя к камину отрывисто спросил.

– Это то, чего мы ждали?

– Похоже.

– И чего же это они так зашевелились? И кто это – они?

– Думаю, что мы сами дали толчок их активности. Слишком уж много возни затеяли вокруг нашего дорогого мэра. Вот и нарвались на контрудар.

– Подготовили контрудар, – мрачно повторил Самулевич. – Не улавливаю, в чем заключается смысл их действий. Затеели какие-то детские игры с рынком. Зачем? Мне-то вся эта возня, чем может повредить?

– Ты много от меня требуешь. Думаю – это только начало. Да, нестандартное, согласен. Последующие шаги должны внести какую-то ясность в понимание планов наших оппонентов.

– Дай-то Бог. Мы ведь тоже не будем сидеть сиднем, сложа руки? С чего начнем?

– С твоего задания Кресту. Пусть он развернет самую активную деятельность по поимке Беса. Я снабжу его информацией, полученной от моего человека у Быстрова. Пусть пугнет Голубовича и Жакова. Я хочу, чтобы они занервничали, как-то себя проявили. Так мы установим их причастность или непричастность к разворачивающимся событиям. Я же попытаюсь узнать, кто за всем этим стоит. Кресту подробности знать не стоит. Может испугаться, если поймет, какие силы задействованы против нас.

– Хорошо, – одобрил Самулевич. – Что накопал нового по случаю с малолетними проститутками.

– ?

– Тот случай из институтского прошлого мэра.

– Обнаружился Огородников Павел Григорьевич – следователь убойного отдела, расследовавший смерть молодых проституток. Он вернулся в родной город. Пенсионер. Летом пропадает на даче, зимой живет в городской квартире. Но считаю, что на контакт с ним сейчас выходить опасно. Можем сами засветиться и его засветить. Подождем удобного случая. Надо присмотреться, понять, что он за человек и как можно не вспугнув к нему подойти.

– Тебе виднее, – закончил разговор олигарх, – но тянуть не следует.
Данилов, кивнув головой в знак согласия, покинул кабинет шефа.

Глава 6

Назойливая трель будильника нагло вторглась в сон, разогнав вибрирующим звуком приятное сновидение. Сегодня ночью ему снилось синее тёплое море, жёлтый морской песок и длинноногие девушки, в разноцветных купальниках, играющие в пляжный волейбол. Сон классифицировался Олегом как вещий. Он уже давно принял безоговорочное решение провести очередной отпуск на юге у моря. Минует совсем немного времени и наступит тот долгожданный момент, которого капитан милиции Олег Стасов ждал долгие одиннадцать месяцев. Место отдыха тщательно выбрано и вопрос с жильём решён заранее. Стасов был твёрдо уверен, что из всех важных дел, отпуск был наиважнейшим и, организовывать его надо было загодя, тщательно и не торопясь.

С трудом открыв глаза, попытался сориентироваться во времени и в пространстве. Время было без двадцати шесть, а пространством оказалась его собственная холостяцкая двухкомнатная квартира в одном из центральных районов города. Будильник вновь оглушительно затрахтел. Вторая трель была мене продолжительной, но столь же назойливой. Всего будильник звонил пять раз с интервалом в пять минут. Первая трель длилась пять минут, вторая – две, оставшиеся по минуте, что в сумме давало ту же цифру пять. Такое издевательство над владельцем будильника могло прийти в голову только изобретателю с плохо скрытыми садистскими наклонностями, к тому же, равнодушно относящемуся к цифре пять. Надо же додуматься, даже звук электронного мучителя подобран с иезуитским коварством. Мёртвого разбудит. Пожалуй, садистские наклонности у создателя будильника были даже более изощренные, чем у изобретателя турникетов установленных на входе в метро. Там жертву только ударяло вылетающими как из катапульты металлическими конструкциями с резиновыми наконечниками. Стасов представил злобное веселье изобретателя адской машины рисующего в больном воображении картины расправы его детища над безбилетными пассажирами. «А ты плати за проезд, – вероятно, злорадствовал конструктор, мерзко хихикая и потирая от удовольствия шаловливые ручонки, тщательно вычерчивая очередную деталь. – Бросай жетон в дырочку и проходи, не бойся». Откуда у технической интеллигенции столько ненависти к себе подобным? Поразительно. Но всё же турникетному гению далековато до изобретателя будильника. Здесь задумка более коварная – бить не по ногам, а по мозгам, что, как известно, намного чувствительнее. Будильник прогремел в третий раз. Надо принимать вертикальное положение и приступать к утренним процедурам не дожидаясь оставшихся двух сигналов. Отключить будильник можно было только во время первой его трели. Столь гуманное решение, вероятно, являлось своего рода поощрением энтузиастам, имеющим моральные и физические силы восстать по первому требованию звенящего монстра.

В распорядке дня Стасова «утро» включало в себя следующие процедуры: душ, пробежку и завтрак. Первый душ, принимаемый им сразу после сна, был прохладным и носил название пробуждающего. Затем следовал лёгкий кросс по аллеям сквера, раскинувшегося невдалеке от дома. Второй душ классифицировался как освежающий и, наконец, завершал цикл процедур малокалорийный завтрак, состоящий в основном из молочнокислых продуктов. Установленный много лет назад и действующий по сей день режим, позволял поддерживать форму, всегда выглядеть бодрым и свежим, как бы бурно не был проведен предыдущий вечер.

Звонок в дверь раздался в тот момент, когда была закончена первая обязательная процедура, и имелось явное намерение приступить ко второй. «Кто бы это мог быть в такую рань? – удивился Олег, запрыгивая в толстый банный халат, быстро завязывая пояс». На пороге, тяжело опершись плечом о дверной косяк, стояла соседка Люся, обитающая с мужем и двумя детьми в квартире напротив. Люся относилась к разряду незаменимых покладистых соседей, готовых всегда прийти ближнему своему на помощь. А кто у нас ближе соседа? Для многих людей

соседи ближе самых близких родственников. Вам нужен совет, пожалуйста, некого оставить с детьми в то время когда срочно необходимо ненадолго отлучиться – без проблем. Отправляясь в отпуск такому человеку можно смело доверить ключи от собственной квартиры и абсолютно спокойно наслаждаться отдыхом, зная, что любимый кот накормлен, а цветы вовремя политы. Эти бесценные люди являются надёжным сейфом для хранения ваших маленьких семейных тайн оберегаемых ими также тщательно, как свои собственные. Они последовательно отстаивают ваши интересы в различных конфликтных или спорных ситуациях, которые чаще, чем хотелось бы возникают между жильцами стандартного многоэтажного дома. Открытые и доброжелательные, они до краёв наполнены особой положительной энергией притягивающей к ним людей. Люся в полном объёме обладала полным набором этих ценных качеств, но в данную минуту перед Стасовым стоял совершенно другой человек. Она выглядела ужасно: бледное опухшее от слёз лицо, трясущиеся синие губы, заплаканные, вымазанные растекшейся тушью глаза. Это была не та Люся, которую он знал. Она пошатнулась, медленно оседая на пол. Подхватив под руки обмякшее тело, Олег затащил женщину в комнату, с трудом водрузив её в кресло.

– Что, что случилось? – он непрерывно тормозил находящуюся в полубморочном состоянии женщину, пытаясь привести в чувство. Холодная вода и нашатырь сделали своё дело.

– Всё, – первое слово, услышанное им от Люси, не пролило свет на понимание её ужасного состояния. – Всё пропало, – не верилось, что этот сухой трескучий голос может принадлежать живому человеку.

– Прошу тебя, успокойся. Люся я не смогу тебе помочь, если ты толком не расскажешь, что произошло?

– Олежек, миленький, мне же в жизни не рассчитаться с банком. Понимаешь никогда.

Сотрясаясь от рыданий, она заливала слезами дорогое японское покрывало, бесконечно повторяя, что всё пропало, и жизни теперь нет. Иногда она умолкала, отрешённо глядя перед собой, не реагируя на происходящее вокруг. Ценой поистине титанических усилий Стасову, в конце концов, по крупицам удалось вытянуть из находящейся в полубморочном состоянии женщины детали маленькой человеческой трагедии. История оказалась банальной, но страшной для Люси, финансовое положение семьи которой, не отличалось стабильностью и благополучием. Несколько месяцев назад ей улыбнулось маленькое счастье. Благодаря усилиям и настойчивости Стасова ей посчастливилось не только приткнуться на работу в обменный пункт одного из солидных коммерческих банков, но и надёжно там закрепиться. Человеком она была спокойным, уравновешенным и, что особенно ценилось в подобных структурах, надёжным. Новая работа Люсе нравилась, да и платили сравнительно неплохо. И, казалось, всё, конец мытарствам. Наконец-то фортуна улыбнулась и ей. Но вчера наступил крах. Хорошего долго и много не бывает – истина, не требующая доказательств и не подлежащая сомнениям. Накануне, в конце смены, подводя итог финансовым операциям, она с ужасом обнаружила крупную недостачу в полторы тысячи долларов. Рублей оказалось на сотню больше, что, конечно, утешало мало.

Олег слушал, внимательно не перебивая. Надо было дать женщине выговориться, слить свою беду в чужие уши, чтобы ни накапливать её в себе. А она всё говорила и говорила сбивчиво и непонятно, повторяясь, глотая слова и заикаясь от рыданий. Нервный стресс плюс бессонная ночь, похоже, окончательно ее доконали. Из бессвязного рассказа мало что можно было почерпнуть, но кое-какая картина всё же вырисовывалась. В сущности, вся история сводилась к одному. Был обычный рабочий день ни чем не отличающийся от повседневных трудовых будней на обменном фронте. Никаких происшествий связанных с бандитскими налётами, стрельбой и криками «всем оставаться на местах, это ограбление». Ничего такого экстраординарного не происходило, но полторы тысячи долларов исчезли из закрытого помещения, как будто их

там и в помине не было. Загадочная, невероятная история, в которую капитан милиции Стасов Олег Валерьевич поверил сразу же, без колебаний и сомнений, поскольку ожидал подобного или аналогичного развития событий вот уже несколько недель.

Ему пришлось рассказать находящейся на грани безумия женщине о Рыночном Бесе и о его уникальных способностях. Успокоил ее, заверив, что при сложившихся обстоятельствах вряд ли кто из руководства банка осмелится предъявить к ней претензии. Женщина окончательно успокоилась только тогда, когда Олег твёрдо пообещал уладить вопрос с её работодателями. Времени на завершение утренних процедур совсем не оставалось. Надо было срочно поставить в известность своё непосредственное начальство и попытаться по горячим следам нащупать активизировавшегося Беса. А в том, что это его рук дело у Стасова была стопроцентная уверенность.

– Если я правильно понял, ты намекаешь на Рыночного Беса? – выслушав доклад подчинённого, напрямую спросил Быстров.

– Не намекаю, даю голову на отсечение. Его работа без сомнения. Во-первых, – он принялся загибать пальцы, – почерк. Всё тихо, благородно, интеллигентно, но с какими убытками для потерпевшей стороны! Во-вторых, работник обменного пункта, сколько не пыталась, не в состоянии даже приблизительно восстановить в памяти ситуацию, при которой из её рук уплыла отнюдь не мизерная сумма. В условных, заметьте, единицах. А с памятью у неё всё в порядке, можете поверить мне на слово. Имеется, правда, одно маленькое несоответствие. Наш друг перешёл от бартерных операций к работе с наличными деньгами. Но эта немаловажная деталь свидетельствует только о том, что и ему не чуждо понимание необходимости прогресса и насыщения вульгарного воровского ремесла элементами творчества.

– И тут Остапа понесло, – съязвил Вершинин, с интересом слушавший доклад Стасова.

– Не по душе тебе Степаныч моя изысканная речь, – презрев прозу, вдруг стихами заговорил Олег.

– Почему же не по душе? Очень даже по душе. Впрочем, сомнений моих ты не развеял. Может быть, это и наш клиент совершенствует свое мастерство, а может быть и не он. В банках, известно какие фокусники работают. Те ещё спецы. Аферисты высшей пробы, клеймо ставить не куда.

– Вы, уважаемый коллега, упустили из вида одну маленькую, но крайне важную деталь. Помнишь, Степаныч, визитную карточку Беса – сторублёвую купюру? В обмене ситуация с сотней повторилась. Полторы штуки зеленью на сотню деревянных. Как тебе подобный расклад?

– Какая, говоришь, обменка подверглась экспроприации? – озабоченно спросил Быстров, разворачивая на столе карту района.

– Улица Туполева, семь.

– Та, что находится в здании страховой компании?

– Абсолютно точно, – подтвердил Стасов.

– И, что ему наш район так приглянулся? – неприязненно косясь на карту, поморщился майор. Вначале рынок теперь вот обменный пункт.

– В умении оригинально мыслить ему не откажешь, – ухмыльнулся Вершинин. – Весьма доходчивая реклама страхования денег от налёта нечистой силы.

– Смех смехом, – не принял участия в общем веселье Быстров, – но чувствую, этот волшебный парень много нам крови попортит. Это головная боль не на один месяц. Значит так, – решительно перешёл он на деловой тон, – наметим план оперативно розыскных мероприятий. В первую очередь надо выяснить, сколько обменных пунктов пострадало или имеет место единичный случай. Этим займёшься ты Фёдор Степанович.

– Судя по его рыночным подвигам, должен быть единичный. Больше одной торговой точки в день он не бомбил, – вспомнил Вершинин.

– Не обязательно. На рынке он брал продукты, а это ноша не из лёгких. Деньги же, как известно, не только не пахнут, но и почти ничего не весят. Вероятнее всего, он учёл опыт работы на рынке и понимает, здесь тоже попытаются обложить. Причем оперативно, учитывая приобретенный нами печальный опыт. Поработай с участковыми. Особенно с теми, чьи районы вплотную прилегают к рынку. Пусть расспросят жильцов, мало ли что. Вдруг выплывет ценная информация. Задание тебе Олег.

– Весь во внимании, Виктор Николаевич.

– Попробуй осторожно пощупать экстрасенсов, колдунов, знахарей. В общем, ты меня понял. Очень уж наш клиент нетрадиционный.

– Что Вы говорите? – притворно удивился капитан. – Откуда информация?

– Не в том смысле, – смутившись, поправил себя Быстров. – Шевельни эту публику нежененько без нажима. Объясни, мол, так и так складывается ситуация... Не слышал ли кто, что за ловкач в наших местах объявился? Нет ли каких соображений насчет того, кто бы это мог быть? Втолкуй им, что деятельность их коллеги по цеху и им массу ненужных и обременительных хлопот добавит...

– Побойтесь Бога, Виктор Николаевич! Здесь ведь работы непочатый край..., – скринулся Стасов, шкурой ощутив, как сгущаются тучи над его отпуском.

– Нам спешить некуда. В шею пока никто не гонит. Очень уж дело необычное и подходить к нему надо обстоятельно и не торопясь.

– Но ведь это затянется не на один месяц! А, как же отпуск...?

– Всё в твоих руках, – как любит петь Анжелика Варум, – всё кроме, конечно, Рыночного Беса. Но, думаю, и ему никуда от нас не деться. Понимая важность и сложность стоящей перед тобой задачи, придаю в помощь талантливого следопыта и не по годам развитого лейтенанта Черкашина Игоря Владимировича. Как говорится ни пуха, ни пера. Действуй капитан.

– Есть, – угрюмо отрапортовал Стасов, мрачно погружаясь в невесёлые раздумья.

– И вот, что еще. Прошу всеобщего внимания, поскольку это информация касается всех. Пришло медицинское заключение по результатам вскрытия охранника. Установлено, что ударов шлакоблоком было два. Первая травма, вызванная его падением с крыши, была не смертельной и привела лишь к сотрясению головного мозга и потере сознания. Что-то вроде нокаута. А вот второй удар, скорее всего, был нанесен кем-то уже по лежащему охраннику, поскольку пострадала правая височная доля. Характер травмы явно указывает на умышленное убийство.

– Значит, все-таки, Бес? – вопрос Черкашина звучал вопросительно и в тоже время утвердительно.

– А вот это утверждение весьма сомнительно, – Стасов принялся загибать пальцы. – Во-первых, зачем Бесу убивать охранника? После первого удара охранник лишился сознания и не мешал ему спокойно покинуть территорию рынка.

– Но охранник видел Беса, и мог его опознать, – рассудительно отмел аргументы оппонента Вершинин. – В этом случае у Беса просто не было другого выхода. Он заметал следы, только и всего.

– Как Вы это себе представляете, Фёдор Степанович? Бес бомбит рынок несколько месяцев и никто, Вы понимаете, никто не может похвастаться, что видел его лицо. А тут какой-то интеллектualan охранник взял да и увидел на свою голову. Мало того, еще и запомнил с тем, чтобы впоследствии опознать на очной ставке.

– Мы слишком заиклились на Бесе во всей этой истории. Аргументы Стасова довольно серьезны и весомы, чтобы их отбрасывать, скрупулёзно не проанализировав. Олег Валерьевич, ты меня убедил, что убийство охранника может быть делом чьих-то других рук. Чьих? Seriously займись окружением охранника. Семья, родственники, близкие, друзья, сослуживцы.

Не было ли каких-то конфликтов или неприязненных отношений на работе и в быту. Не мне тебя учить, что надо делать.

В лаборатории Олега встретили не приветливо. Эксперт-криминалист Виктор Петрович Замашкин, склонившись над каким-то документом, демонстративно игнорировал присутствие капитана. Он недолюбливал Стасова за язвительность и постоянное подтрунивание над коллегами. Хорошо, когда смеются над кем-то. Но, когда объектом насмешек становишься ты сам, смешного мало. Чувствуешь себя не очень уютно и на душе противно. Объектом насмешек стала фамилия эксперта. Так сложилось, что супругу Виктора звали Марией, и Стасов со всей присущей ему иронией обыграл этот момент, причем в присутствии большого скопления сотрудников. Как-то в курилке, среди прочих обывательских разговоров, он как бы невзначай поинтересовался:

– Послушай, Витя, а что это за несправедливость такая с твоей фамилией вышла?

– Какая несправедливость? – опешил Замашкин, не ожидая подвоха.

– А вот смотри. Как у нас в стране принято создавать семейные ячейки?

– Каждый создает, как может, – насторожился эксперт. – Шаблонов в этом деле не бывает.

– Ошибаешься, – не согласился Стасов. – Ведь как у нас традиционно принято? Мужчина женится на женщине, а та, как известно, выходит замуж. Поэтому фамилия у вас должна быть Завитькин, поскольку она выходит замуж за тебя, а не наоборот. Так что, Завитькины вы. С тех пор, как только где-то, по какому-то поводу звучала фамилия Замашкин, народ покатывался со смеху, что не добавляло настроения эксперту.

Наконец Замашкин поднял голову.

– С чем пожаловал?

– За результатами экспертизы по убиенному охраннику, – не дожидаясь приглашения, небрежно развалился на стуле Стасов.

– Все передано в отдел.

– Не все.

– Что еще? – вопросительно посмотрел на гостя эксперт.

– Меня интересует, были ли обнаружены на шлакоблоке отпечатки пальцев и если были, то удалось ли их идентифицировать?

– Были. В преогромном количестве. Есть и пригодные для идентификации, только все это маргышкин труд. Представляешь, сколько людей прикасалось к этому шлакоблоку? Ведь он там не один день лежал.

– Представляю. Именно поэтому Вам, уважаемый Виктор Петрович, и придется поработать на рынке. Во-первых, строители. Все кто работал в последнее время в районе места преступления. Во-вторых, охранники и, наконец, руководство рынка. Я тебе подготовил список на пятьдесят семь персон.

– Каторжный труд, – досадливо поморщился Замашкин. – Раньше, чем через месяц не управимся.

– Срок до конца недели, – отрезал капитан поднимаясь. – Если тебе нужно распоряжение руководства...

– Обойдемся, – угрюмо оборвал гостя криминалист и отвернулся, давая понять, что аудиенция закончилась.

В отделе Олега ждал сюрприз. Капитан Вершинин, что-то втолковывавший Черкашину, при появлении Стасова заметно оживился.

– С тебя причитается, Олежек.

– Это за что же? – поинтересовался вошедший.

– Кажется, сдвинулся с места висяк с убитым охранником.

– Интересно. Я весь во внимании, – Стасов удобно расположившись за своим столом, приготовился слушать.

– Тут вот какое дело. Я попросил участкового понаблюдать за приятелем убиенного и его преподобной супругой. И такая у нас выплывает неблагоприятная картина. Друг покойного, Ивлев, ни на шаг не отходит от Аллы Демидовой. Встречает, провожает, подолгу проводит время в ее квартире.

– Ну и что здесь подозрительного? Друг детства не может оставить без утешения вдову. Это его характеризует только с положительной стороны.

– Так-то оно так, да только есть моменты, которые нельзя рассматривать, как дружескую поддержку. Например, посещая вдову, Ивлев приобретает в супермаркете следующий набор продуктов, – Вершинин, надевая очки и извлекая из портфеля исписанный лист бумаги, читает, – бутылка шампанского, коньяк, буженина, икра красная, коробочка конфет и так далее в том же духе. Согласись, с таким набором идут не на поминки, а скорее на свидание к женщине, от которой хотят взаимности.

– Согласен, – не стал упорствовать Стасов, – хотя к делу это не пришьешь. Ну, покупал продукты, мало ли что. А выбор ассортимента – дело сугубо личное. Что ему пить и есть, каждый решает в силу своих предпочтений и устоявшихся привычек.

– Есть еще кое-что. Соседка рассказала участковому, что через полуоткрытую дверь видела, как эти двое целовались в прихожей. Дама была просто в ярости. Старая дева со строгими принципами... Короче, сам понимаешь.

– Понимаю. А она не придумала все это. Бабушке могло и померещиться.

– Ну не такая уж она и бабушка. Пятидесяти еще нет.

– Тогда это серьезно. Неужели вульгарный треугольник?

– Я бы на твоём месте запросил сведения с их бывшего места проживания. Поинтересовался, как складывались там отношения этой тройки. Может что-то и всплывет.

– Ты прав. Подготовлю запрос. Игорек, – обратился он к лейтенанту, – выясни, откуда эти трое к нам прибыли, то бишь, пробей их предыдущее место жительства. Обеспокоим местное РОВД нижайшей просьбишкой. Пусть подсобит нам недостойным маленько.

Этот заказ открывал перед Вильямом Давыдовичем весьма радужные перспективы. Все-таки, он правильно рассчитал, отдавая предпочтение женской составляющей своей клиентуры. Это благодарная категория рода человеческого: мягкая, податливая и, что самое важное, доверчивая. А жена заместителя директора оптового рынка Виктория Дмитриевна Голубович – так вообще бесценный клад. Именно благодаря ей, он и получил этот перспективный заказ. Как все вовремя и к месту. Есть, все-таки, у него ангел хранитель, не забывающий в трудные времена приходить на помощь. А времена эти настали, отчасти, по его собственной вине. Любовь, чтобы она скисла, поставила финансовое благополучие Жакова на край пропасти. Любовь к женщине, которая, к тому же, вдвое тебя моложе – это катастрофа для стареющего организма. Во-первых, приходилось напрягаться, чтобы исполнять свой супружеский долг на приемлемом уровне. Впрочем, что такое приемлемый или достаточный уровень сексуального удовлетворения, а, что низкий – вопрос спорный и зависит от точки зрения и физического состояния женского организма. Жаков, глотая упаковками виагру, считал, что он еще о-го-го какой половой гигант. Орел! Молодая супруга соглашалась, что орел, но при этом утверждала, что орлы бывают двух видов – те, что летают и те, что на скалы гадят. Мужа относил ко второй разновидности пернатых хищников. И вообще, оценивала потуги супруга на тройку с минусом, о чем не уставала постоянно повторять. Мол, взялся за гуж... С этим самым «гужом» у Вильяма Давыдовича как раз все обстояло весьма проблематично, поскольку тащить его силенок уже не хватало. Сексуальная озабоченность его молодой супруги приводила Жакова в крайнее уныние и склоняла к неутешительной мысли – фригидность, не самое плохое сексуальное состояние женщины, имеющей возрастного супруга. Чтобы как-то уравновесить общую картину счастливой семейной жизни, Вильям Давыдович баловал жену различными подарками, что той, конечно же, нравилось. Это был верный, но весьма дорогостоящий подход к супружеской

жизни и он как-то сглаживал ежедневную всепоглощающую потребность молодой в сексе. Другими словами, Жаков удовлетворял жену, но несколько иным способом. Другими словами, откупался от любимой как мог. Но щедрость Вильяма Давыдовича не подкреплялась необходимым финансовым достатком. Его заработки не перекрывали затратную часть семьи. Пришлось откупорить кубышку, которая была, к слову, отнюдь не бездонной. И вот теперь появилась возможность поправить финансовое положение семьи.

Все началось с обычной женской болтовни, на которую прежде Жаков и не обратил бы внимания. Историю о некоем неуловимом Рыночном Бесе, рассказанную Викторией Голубович, экстрасенс вначале принял за обычный бабский треп. В шутку, чтобы поддержать разговор со щедрой пациенткой, Вильям Давыдович, заявил, что экстрасенсу его класса не составит большого труда изловить какого-то афериста, промышлявшего на рынке. Дама долгим, изучающим взглядом впиалась в Жакова, но к разговору этому больше не возвращалась. Вильям Давыдович не придал реакции пациентки должного внимания, и вскоре думать забыл о забавном поведении дамы. Однако на следующий сеанс Виктория пришла в сопровождении маленького юркого мужчины в очках, представленного Жакову супругом. Тот, презрев дипломатию, сразу же поинтересовался, правильно ли он понял со слов жены, что экстрасенс берется в кратчайшие сроки изловить Беса. Жаков насторожился. Голубович не был похож на болтуна или человека привыкшего забавляться вымышленными историями. В нем за версту угадывался деловой человек, не привыкший тратить драгоценное время на пустяки. Прямолинейность, с которой Голубович озвучил проблему, озадачила экстрасенса.

– А Вы уверены, уважаемый Борис Моисеевич, – осторожно поинтересовался он у Голубовича, – что на рынке промышляет экстрасенс или человек, владеющей техникой гипноза. Возможно – это просто вымысел торговков или чья-то глупая шутка.

– Хотелось бы мне верить в невинный розыгрыш, Вильям Давыдович. Но, уверяю Вас – это не так, если учитывать ущерб, нанесенный Бесом рынку. Приходится признать, что мы имеем дело с весьма серьезной проблемой.

Выслушав подробнейшую историю о проделках Беса, Жаков задумался. Из рассказа Голубовича следовал единственный вывод – кто-то из коллег по цеху нашел весьма и весьма прибыльное применение своему таланту. Он знал лично всех, кто работал в областном центре, небольших городах, районных центрах и даже селах области, поддерживал с ними деловые и творческие связи. Все они имели прочное положение, солидный доход и авторитет в определенных кругах. Жаков был уверен, что никто из его коллег не отважился бы на подобный риск. Ведь Бес посягнул ни на кого-нибудь, а на самого Фёдора Корнеевича Самулевича. А тут будь ты хоть трижды магом и волшебником финал один – могила. Значит, работал кто-то залетный, плохо знающий местные расклады. Откуда он взялся, этот ловчила? Шустрит долго, несколько месяцев. Значит не проездом, а решил погостить. В любом случае, вычислить его – проблема не сложная. Обсудив финансовую сторону вопроса, договаривающиеся стороны расстались довольные друг другом.

В себе Жаков был уверен. Он со сто процентной вероятностью мог определить, обладает ли человек экстрасенсорными способностями и насколько сильно его биополе. Поэтому шарлатанов и самозванцев распознавал за версту, впрочем, как и своих коллег по цеху. Этот дар достался ему от бабки по материнской линии, считавшейся неплохой целительницей. Мать свою он видел во время редких визитов, когда та приезжала к бабке в деревню погостить. Особых материнских чувств к сыну она не испытывала, и была весьма довольна тем, что с ребенком все так благополучно устроилось. Он не стеснял ее свободы. Это было главным. В память о матери у него осталось нерусское имя Вильям и еще менее понятное отчество Давыдович. Так что о своей национальности по линии неизвестного отца он мог только догадываться. Вильям Давыдович, прошедший все детство в деревне у бабки, неоднократно наблюдал, как односельчане искали у нее решение своих проблем. Да и не только сельчане. Обращались за помощью

из района, из области. Приезжали: кто с болезнями, кто с несчастной любовью, а кто просил мужа от запоя вылечить. Кому-то бабка помогала, кого-то отсылала, прочь говоря, что здесь ее помощь бессильна. Оставаясь наедине с внуком, постоянно сетовала на то, что не обучена медицине. Деньги за работу у людей брала, но столько, сколько давали. Лишнего не требовала. Человек благодарит от души той суммой денег, с которой может расстаться легко. Дар у внука она распознала еще в самом раннем возрасте, когда тому не исполнилось и семи лет. Стала обучать его своему непростому ремеслу, но настраивала на отдаленную перспективу. Постоянно внушала мысль, о необходимости получения любимым внуком высшего медицинского образования. Настойчивость и связи бабки (среди людей, обращавшихся к ней за помощью, были весьма влиятельные люди) плюс кое-какие способности самого Вильяма принесли свои плоды. Он стал студентом мединститута. Проучившись пару курсов, уже знал, что его призвание психотерапия. Именно в этой специальности он мог реализоваться как профессионал приемлемого уровня. Знания, полученные в институте, да бабушкины уроки позволяли надеяться на хороший результат в перспективе. И результат не заставил себя долго ждать.

Еще, будучи студентом четвертого курса, и проходя летнюю практику в одной из районных больниц области, Жаков обратил внимание на склонность людей, особенно пожилого возраста, обнаруживать у себя симптомы заболеваний, которыми они не страдали. Всеми виной возрастные изменения в организмах, но убедить стариков в отсутствии недуга, мало кому удавалось. Известно, что здоровье, а точнее его отсутствие – любимая тема, обсуждаемая пожилыми людьми. Понятно, при таком обсуждении опасения мнимого больного находили подтверждение, и, причем, не у одного, а у нескольких ровесников. Уверовав в болезнь, они пытались подтвердить свои подозрения на уровне официальной медицины. Однако окончательно избавиться от терзающих сомнений удавалось не всегда. Старики брели в больницы, высиживая часами под кабинетами. Прорвавшись на прием, изливали накопившиеся страхи докторам. Те, в свою очередь, не обнаружив ничего серьезного, кроме возрастных изменений, назначали общеукрепляющую терапию и отсылали бабок и дедов домой, прося впредь не утруждать себя утомительными походами в храм здоровья. Столь пренебрежительное отношение вызывало раздражение. Кто-то прекращал посещать врачей, разуверившись в их квалификации, кто-то строчил жалобы в вышестоящие инстанции о хамском отношении медработников к ветеранам, а кто-то упорно продолжал навещать медицинское учреждение, надоедая медперсоналу своим нытьем и жалобами на состояние здоровья. Одна из таких неугомонных клиенток регулярно посещала больницу, где проходил врачебную практику Жаков. Ему-то и спихнули эту надоедливую бабку старшие товарищи, настоятельно рекомендуя как можно больше уделять ей внимания, втолковывая растерявшемуся студенту, в общем-то, простую мысль – без понимания психологии больного невозможно получить максимальный лечебный эффект.

Жаков не стал отнекиваться, или пытаться перекинуть назойливую пациентку на кого-то другого, поскольку неожиданно для себя обнаружил неплохой источник доходов.

Обязательным при прохождении студентами мединститутов врачебной практики, являлось их присутствие на приемах больных, проводимых квалифицированными специалистами. Наблюдая за работой врача, студент приобретал навыки, необходимые для дальнейшей практической деятельности. Он учился: правильно собирать анамнез, ставить диагноз, назначать лечение, а затем, оформлял накопленные материалы в виде отчета по летней практике. Так должно было быть в идеале, но на практике столь разумный и выверенный подход частенько не соблюдался в полной мере. Врачи, имея мизерную зарплату и постоянную нужду в деньгах, часто работали на нескольких работах или занимались побочными делами, приносящими дополнительный доход. Понятно, что они были людьми занятыми, и время от времени перепоручали студентам самостоятельно вести прием больных. Студенты, окончившие четвертый курс, обладали достаточными навыками и необходимым багажом знаний, позволяющим им проводить такую работу. На одном из таких приемов Жакова оказалась Мария Николаевна – так звали

назойливую старушку, любительницу лечебных процедур. Жаков, в который уже раз, выслушав стандартный набор жалоб и знавший их наизусть, для проформы побарабанил бабушке по грудной клетке, изображая перкуссию, прослушал стетоскопом сухонькую грудку и глубокомысленно задумался. Старуха напряженно ждала, с надеждой посматривая на доктора.

– Понимаете, Мария Николаевна, – начал он осторожно, – действительно Вы серьезно больны и нуждаетесь в лечении....

– Я же говорила этим Айболитам, – нелестно отозвалась она о местных эскулапах, – а они мне – старость, старость.... Какая старость? Мне в следующем году только семьдесят шесть будет. Если бы там, например, семьдесят восемь или восемьдесят лет мне было, тогда другой разговор.

– Видите ли, в чем дело, – прервал Жаков гневный монолог условно тяжелобольной, – лечение вашего недуга требует применения весьма дорогостоящих импортных препаратов, которые очень сложно приобрести. В аптеках их нет, а....

– Сколько? – деловито перебила бабка Вильяма, доверительно заглядывая ему в глаза.

– Чего сколько? – не понял тот.

– Сколько стоит лекарство? Достать его, сколько стоит? Вообще, сколько все это стоит, чтобы начать лечиться?

– Не знаю.... Дорого.

– Дорого – это не цена, а прошупывание клиента на предмет наличия у него монет. Ты не сомневайся, деньжата у меня есть. Озвучь цифру.

– Ну, я не знаю, – растерялся припертый к стенке Жаков. – У разных производителей цены на препараты разные.

– Ты, сынок, не сомневайся, – голос старухи стал вкрадчивый, – никто не узнает, что ты мне продал лекарство. Разговор между нами. Завтра я приду, а ты мне назовешь цену, лады?

Жаков автоматически кивнул, проводя глазами, выходящую за дверь старуху. Он ожидал всего чего угодно, но только не подобного поворота событий. Старуху, закаленную жизненными невзгодами, трудно чем-то удивить. Следовательно, цена на лекарство должна быть заоблачной. Расчет Жаков строил на том, что услышав невероятную цифру, бабка откажется от лечения, вопрос замнется сам по себе и посещения больницы надоедливой пациенткой прекратятся. Ход беспроигрышный. Однако, бабулька оказалась не из простых и расходы поддержание остатков здоровья в хилом теле ее, по-видимому, не пугали.

«Ну, что ж, – разозлился Жаков, – назову сумму, от которой тебя скрючит».

Он вспомнил как один из его знакомых доставал лекарство тяжело больной матери. Занимал деньги, где и у кого только мог, поскольку названная цена для среднестатистического советского человека была неподъемной. На следующий день бабка перехватила его в коридоре и многозначительно подмигнув, повторила вчерашний вопрос. Жаков, ухмыляясь в душе, назвал сумму. Услышав космическую цифру, бабка крикнула, но тут же извлекла из кармана носовой платок и развернула его. В платке лежали аккуратно свернутые сторублевки. Бабка отсчитала нужное количество купюр и сверх того положила еще двадцатку.

– Это тебе за беспокойство, – сказала она. – Когда будет?

– Через три дня, – выдохнул ошалевший от вида крупной суммы Вильям.

– Хорошо, – не добавив ни слова, старуха развернулась и засеменила в сторону выхода.

Весь день Вильям ходил как в тумане. Произошедшее с ним казалось сном, навязчивым бредом. Но, в очередной раз, нащупав в правом боковом кармане шуршащие купюры, вынужден был осознавать реальность происходящего. Первым порывом было вернуть деньги их владелице, ссылаясь на сложности с доставкой препарата. Мол, требовалось длительное время. А там, пока то, да се, практика закончится, и он навсегда покинет эти места. Вопрос снимется сам по себе. Но, хорошенько поразмыслив, пришел к убеждению, что предстоящее расставание с деньгами его печалит и весьма чувствительно огорчает. Надо было что-то при-

думать, измыслить нестандартный ход, чтобы и бабка была довольна, и он остался при деньгах, в которых, к слову сказать, испытывал крайнюю нужду. После долгих, мучительных раздумий Вильям придумал выход, устраивающий все высокие договаривающиеся стороны. Как-то, попав на склад больницы, Жаков обратил внимание на большое количество упаковок от различных лекарств, в том числе и импортных. Предусмотрительная сестра хозяйка хранила их в качестве вещественных доказательств правильности списания медикаментов. Отдел районного здравоохранения всегда интересовал вопрос, действительно ли лекарства израсходованы по назначению или нет. Идея родилась сама по себе. Он взял со склада несколько упаковок, а также вошенных бумажек в которые, как правило, фасовались порошки, и приобрел в местном магазине канцтоваров разноцветные мелки. Растертый на терке мел он расфасовал в вошенные бумажки, набил ими упаковки, придав препарату товарный вид. Рассуждения молодого афериста сводились к тому, что мел, конечно, не вылечит бабку от недугов, но и вреда не причинит – это точно. Так что с основным лейтмотивом врачебной этики, сводящимся к двум коротким словам «не вреди» не возникало серьезных противоречий. В оговоренное время Жаков передал старушке упаковку, сопроводив процедуру подробнейшими разъяснениями, касающимися правил приема и дозировки препарата. Если у старухи и были какие-то сомнения в отношении Вильяма, то они тут же рассеялись. Особенно настойчиво он внушал ей, что распространяться по поводу дефицитного лекарства не стоит, поскольку хлопот потом не оберешься. Бабка не появлялась неделю, ровно столько, сколько продолжался курс лечения. Жаков, ожидавший крупного скандала, уже на следующий день стал успокаиваться. Но вот он снова увидел ее в своем кабинете и не узнал – спина выпрямлена, глаза сверкают, на щеках проступил бледный старческий румянец.

– Вас не узнать, – осторожно начал он разговор, – прямо двадцать лет сбросили.

– Все благодаря тебе, сынок. А эти, – злобно обвела взором больничные стены, имея в виду местных малоквалифицированных докторов, – совсем бы залечили.

Она покопалась в кармане и извлекла на свет уже виденный им носовой платок, долго с ним возилась и, наконец, и на стол легли купюры знакомого достоинства.

– Организуй еще упаковочку, сынок. Очень уж мне это лекарство помогло. Прямо как на свет народилась.

– Его так часто принимать не рекомендуется, – возразил Жаков, подвигая купюры назад к старухе. Через месяц, два может....

– А я и буду принимать тогда, когда ты скажешь. А то вдруг – или тебя не будет, или лекарства достать не получится, – быстро затараторила излечившаяся пациентка, возвращая купюры на прежнее место.

– Придете через неделю, – согласился Жаков, пряча деньги в карман. – Но запомните, принимать нужно только через два месяца, не раньше. По той же схеме.

– Я поняла, поняла, – закивала старуха. – Тут, понимаешь, вот какое дело вышло, – неуверенно начала она, – кума моя....

– Что кума? – насторожился Жаков.

– Болеет она, кума моя. Помог бы ты ей тоже здоровье поправить....

– Мы же договаривались, – вскипел Вильям, – не говорить никому, ни одной живой душе....

– Так тоже кума! Она мне ближе самого родного человека, – принялась скулить старуха.

– Я же не знаю, чем она больна. Вдруг ей этот препарат не поможет....

– А ты посмотри ее. Не бесплатно, конечно. Понимаем, к какому специалисту обращаемся.

– Ладно, давай куму, – видя, что спорить бесполезно согласился Жаков. – Только смотри, чтобы больше никому, ни-ни.

– Сохрани Господь, – перекрестилась старуха, быстро покидая кабинет.

За время прохождения практики, с легкой руки Марии Николаевны он благодетельствовал двенадцать человек местных стариков, и все остались довольны эффектом от лечения. Популярность Жакова росла день ото дня, что пугало его до бескрайности. Он панически боялся, что в ОБХСС или прокуратуру просочатся сведения о его не совсем законной деятельности, и кто знает, чем может закончиться так удачно начавшаяся врачебная практика. Но все обошлось.

По окончании института Жакову посчастливилось поступить в аспирантуру. Его научным руководителем устал один из крупнейших психоневрологов области профессор Лебедев. После окончания аспирантуры и получения ученой степени кандидата медицинских наук, он более десяти лет работал в областном психоневрологическом диспансере. Когда вместе с крахом Советского Союза развалилась и медицина, стал работать самостоятельно, поскольку образование и ученая степень позволяли без каких-либо затруднений получить лицензию на право занятия медицинской практикой. Недостатка в клиентуре Жаков не испытывал. Жизнь бизнесменов и политиков, чтобы там не говорили, была не сладкой. Кого-то теснили они, кто-то теснил их. Не у всех нервная система выдерживала непрерывный эмоциональный прессинг. Вот они-то, чаще всего и становились пациентами Вильяма Давыдовича. Позже присоединились их жены, дети, родственники, поскольку лечиться у Жакова стало престижным и модным. Если бы не молодая супруга, денег бы хватало с лихвой. А так...

Жаков обосновался в здании администрации рынка. Здесь же он поместил аппаратуру и приспособления, необходимые для работы. Действовать необходимо было в двух направлениях. Экстрасенс предполагал установить источник мощного биополя, которым, по всей видимости, обладал Бес. Свой потенциал он успешно использовал, выходя на очередную охоту. По-другому и быть не могло. Только воздействие мощного биополя на человеческий мозг позволяет подавить его волю и навязать необходимую манеру поведения. Биополе человека это совокупное вибрационное излучение тела, сформированное инфразвуками. Отсюда возникло название «биополе». Чем шире спектр вибраций с высокой амплитудой, тем сильнее биополе. Сила его определяется способностью одного человека «подавлять» другого. Во время вибрационного подавления внутренние низкочастотные ритмы одного человека перенастраиваются на ритмы другого человека с более сильной амплитудой. Если Бес действительно обладал экстрасенсорными способностями, установить его местонахождение не представляло больших трудностей.

Но, в подобное развитие событий Вильям Давыдович верил мало. В своей многолетней практике он не встречал подобных индивидуумов. Правда, ходили слухи, что уже созданы устройства, позволяющие значительно усиливать биотоки. Но, скорее всего, желаемое выдавалось за действительное. Такого устройства Жаков сам лично не видел и, как говорится, в руках не держал. Он склонялся ко второму предположению – на рынке работал профессиональный гипнотизер. Вероятность подобного расклада была практически стопроцентная. В рассказы о том, что продавцам внушались команды телепатическим способом, он не верил, поскольку гипнотизер после окончания сеанса мог заставить их забыть и о нем, и обо всем, что предшествовало проведению сеанса. Гипнотические внушения не предполагают наличие мощного биополя. Гипноз – это ремесло. Овладеть его техникой может всякий желающий. В этом случае сложнейшая аппаратура была бы не востребована за ненадобностью. Требовался другой подход. Он убедил Голубовича установить камеры наблюдения в тех местах, где Бес появлялся чаще всего. Изучая манеру поведения рыночного грабителя, предпочтения, которые он отдавал тому или иному товару, периодичность посещения им рынка, Жаков мог с точностью до контейнера определить предмет интересов своего визави. Поэтому, зафиксированный аппаратурой источник мощного биополя, перемещающегося в месте предполагаемого появления объекта, стал неожиданным для Вильяма Давыдовича. Бес находился неподалеку от контейнеров с меховыми изделиями. Судя по той неторопливости, с которой он двигался, охота должна

была вот-вот начаться. Следовательно, можно было со стопроцентной уверенностью предположить, что нацелился он именно на меховые изделия. К сожалению, камеры наблюдения там еще установить не успели. Жаков поставил в известность Голубовича и тот мгновенно организовал погоню. Он приказал следовать за собой двум охранникам, дежурившим здесь же, в вестибюле администрации рынка, еще двое присоединились к ним в процессе погони. По мере приближения к объекту беспокойство стало овладевать Жаковым, а когда расстояние до него сократилось до нескольких десятков метров, это чувство переросло в панический страх, а затем в ужас. Внезапно он потерял Беса. Враждебное влияние чужого биополя, еще минуту назад ощущаемое столь отчетливо, исчезло. Вместе с ним исчезло чувство страха, держащее экстрасенса в своих липких лапах последние несколько минут. Жаков остановился, нервно озираясь по сторонам и вытирая пот тыльной стороной ладони. К нему начало приходить понимание, погоня эта небезопасна для преследователей и, в первую очередь, для него самого. Вильям Давыдович пребывал в смятении. То, что необходимо срочно прекратить погоню было очевидным. Потеря здоровья, а может быть и самой жизни, ни в какой мере не компенсировала гонимый, предложенный Голубовичем.

– В чем дело, чего стоим? – Голубович вопросительно смотрел на Жакова.

«Легко на помине», – подумал тот неприязненно, а вслух сказал.

– Я его потерял.

– Как потерял? – не понял Голубович.

– Очень просто, – устало ответил Жаков, – я не определяю его биополе.

– Куда же он мог исчезнуть?

– Не знаю, – Жаков продолжал оставаться на месте.

– Надо что-то делать! Придумайте же что-нибудь, – Голубович кружил вокруг экстрасенса и жужжал как назойливая муха, пытаясь расшевелить того и заставить действовать.

Вскоре контакт вновь возобновился. Поток энергии необычайной мощи, казалось, взорвал мозг экстрасенса изнутри, расчлняя его на части. Дыхание стало прерывистым и тяжелым, сердцебиение замедлило ритм, грозя полной остановкой. Сквозь пелену, заставшую глаза, успел заметить, как охранники бросились к какому-то человеку. Началась свалка. Дышать стало легче. Мутная пелена спала с глаз, и сознание, почти покинувшее экстрасенса, постепенно возвращалось. Придя в себя, Жаков принял решение срочно покинуть рынок, воспользовавшись суматохой. Он сделал несколько шагов к выходу и остановился, почувствовав чей-то пронзительный враждебный взгляд. Экстрасенс повернул голову и их взгляды встретились. Вильям Давыдович узнал его сразу, как только увидел. Господи, сколько лет прошло. Так вот кто орудует на рынке. Вот кто он такой – таинственный Бес. Как же он сразу не догадался, не вспомнил этого человека? А ведь мог хотя бы предположить, что именно этот человек без колебания использует свои возможности в корыстных целях. Активно работая локтями Жаков продирался к выходу. Никто не пытался его задержать или остановить, и, вскоре он беспрепятственно покинул территорию рынка.

Глава 7

Тридцать пять лет назад.

Он осторожно пробирался по пыльному чердаку жилого многоэтажного дома, вздрагивая при каждом постороннем звуке, нарушавшем ночную тишину. Хотелось верить, что удалось оторваться от преследователей. Необходимо переждать несколько часов, пока все утихнет и попытаться уйти из города незамеченным. Чердак для этих целей подходил как нельзя лучше. Виталий нашел картонный ящик, разорвал его на куски и, постелив в самом дальнем труднодоступном закутке, прилег, стараясь шуметь как можно меньше. Он понемногу успокаивался: сердце перестало бешено колотиться в груди, дыхание стало ровным. Слегка знобило от перенесенных потрясений. Надо было успокоиться и принять решение как

действовать в дальнейшем. Он отчетливо понимал, что на кону стояла его, Виталия Снеткова, жизнь и от того, как он будет действовать, зависело, сохранит он ее или потеряет.

А еще совсем недавно Виталий Снетков был на седьмом небе от счастья. Тысяча девятьсот семидесятый год был для него, простого паренька из периферийного районного центра, успешным. Виталий стал студентом одного из престижных ВУЗов областного центра – политехнического института. Вспомнил, как радовались родители успеху сына, как сыпались поздравления от родственников и друзей. С началом учебных будней эти приятные минуты остались позади. Ежедневные лекции, практические занятия, семинары отнимали уйму времени. Практически все вечера он просиживал в библиотеке, готовясь к занятиям. Учебников катастрофически не хватало. Поселили его в институтском общежитии в двухместной комнате вместе с однокурсником. Соседа по комнате звали Андрей Еришов. Ходили по институту слухи, что он единственный сын какого-то партийного вельможи, но на поверку оказался простым компанейским парнем. Вел себя как все: нос не задирал, прав не качал и ничем из общей толпы не выделялся. Были, конечно, на курсе и в группе студенты, пользующиеся особыми привилегиями, так называемые «блатные», но Андрей держался от них особняком. Виталий и Андрей быстро сдружились. На лекциях сидели рядом, библиотеку посещали вместе и, бывало, в свободные вечера планировали совместный отдых.

Однажды, в конце первого семестра, возвращаясь в общежитие с институтской вечеринки и, будучи слегка под хмельком, встретили двух девиц – брюнетку и блондинку. Те курили, стреляя глазами по сторонам. Вероятно, кого-то поджидали. От старшекурсников Виталий знал, что это проститутки, услугами которых студенты время от времени пользовались. Брюнетку звали Таня, блондинку Ира. За услуги брали они недорого, в связи с чем, спросом среди студентов пользовались и немалым. Дежурную по общежитию девчонки прикормили, та беспрепятственно пропускала их в общежитие. Все это он вспомнил в тот вечер и, указав на девиц, пояснил Андрею кто они такие и кого ждут. Когда друзья поравнялись с девицами, брюнетка предложила.

– Поразвлекься с девочками не жалеете?

– Сколько тебе лет, – спросил Андрей, останавливаясь, в упор глядя на девицу.

– Совершеннолетние мы, – с вызовом ответила та, – не бойся. Может паспорт показать?

– Веди их в комнату, – повернувшись к Виталию, сказал Андрей, – а я куплю выпивку, закуску и скоро буду.

– А может быть ну их, – растерялся Виталий, оглядываясь по сторонам.

– Все в порядке, – шепнул на ухо испуганному приятелю Андрей. – Расслабимся сегодня по полной программе. О деньгах не беспокойся, я финансирую мероприятие.

Развернувшись, он направился в сторону гастронома. Виталий растерянно смотрел ему вслед.

– Ну, что, пошли, что ли? – брюнетка была назойлива как муха.

В вестибюль вошли вместе. Дежурная сделала вид, что не заметила троих, поднимавшуюся по лестнице. Виталий, открыв входную дверь комнаты, пропустил девишек вперед и оглянулся. В коридоре никого не было. Закрыв дверь на замок, прошел в комнату. Девишки уже сняли верхнюю одежду. Блондинка Ира заняла свободный стул, Татьяна присела на край кровати Андрея. Вскоре явился и сам хозяин кровати с огромным пакетом, наполненным различной снедью и выпивкой. На скорую руку соорудили закуску, рассевшись вокруг единственного стола. Пили водку. Девицы быстро захмелели.

– Ну, что, давай начнем, – предложила Таня Андрею, расстегивая блузку и откидываясь на подушку. – Чего тянуть.

Щелкнул выключатель и комната погрузилась во мрак. С кровати Андрея уже доносились сопение и возня, когда Ирина решительно взяла Виталия за руку, потащила его в постель.

Когда свет вновь зажегся, Татьяна и Андрей были уже на ногах.

– Подъем, – скомандовал он, натягивая штаны. Все быстро оделись. Андрей достал из портмоне деньги, отсчитал несколько купюр и протянул их брюнетке.

– Всё. Свободны, – он жестом указал на дверь.

Девушка пересчитала купюры, и в упор, посмотрев на Андрея сказала.

– Мало.

– Мало, – удивился тот, – это же ваша обычная такса.

– Ты заплатишь столько, сколько я скажу, – отрезала Татьяна, бросая деньги на стол.

– Смотри, сука, не борзей. А то ведь ничего не получишь кроме пинка под зад.

– Испугал! Я и сама уйду. А по дороге зайду в милицию. Напишу заявление, что ты меня изнасиловал. Знаешь, что бывает за совращение несовершеннолетней? Твой папаша хоть и крупная шишка в области, но есть люди, которые и его обломают.

Андрей преобразился в одно мгновение. Разъяренный с лицом, перекошенным злобой, он подскочил к девушке и, схватив ее за горло, прокричал.

– Кто тебя послал, сука, говори, кто послал. Убью.

Девушка отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться. Наконец ей удалось оттолкнуть неумолимого Андрея, и она бросилась вон из комнаты. Он настиг ее у самого выхода и, схватив за волосы, принялся с остервенением избивать. Девушке вновь удалось высвободиться, вновь оттолкнув Андрея, но и сама не удержалась на ногах. Падая, она ударилась головой об угол стола и осталась неподвижно лежать на полу, неестественно подвернув под себя руку. Глаза ее были закрыты, изо рта текла струйка крови. Андрей навис над ней с поднятыми кулаками.

– По-моему, она мертва, – чужим голосом просипел Виталий, неприятно ощущая, как дрожат колени.

– Туда ей и дорога, – тяжело дыша, прохрипел Андрей, вытирая полотенцем кровь с лица, на котором кровоточили две красными царапины, оставленные ногтями Татьяны.

– Но, она действительно мертва, – Виталий не отрывал наполненного ужасом взгляда от тела, лежащей на полу девушки.

Блондинка забилась в угол и, закрыв рот руками, с ужасом смотрела то на мертвую подружку, то на разъяренного с расцарапанным лицом Андрея. Внезапно она сорвалась с места и бросилась вон из комнаты. Андрей, в два прыжка настиг ее у двери, повалил на пол и принялся душить. Виталий оцепенев, не мог оторвать взгляда от судорожно дергающейся оголенной ноги девушки. Вскоре все было кончено. Андрей втащил в комнату второй труп и положил его рядом с первым. Затем подошел к столу, налил полный стакан водки и залпом выпил.

– Будешь? – спросил он все еще находящегося в оцепенении Виталия.

Тот отрицательно помотал головой.

– Подождем ночи, – хрипло сказал Андрей не глядя на приятеля, – потом отнесем их на крышу и сбросим оттуда. А пока сидим тихо. Двери никому не открываем.

Через несколько минут, упокоившись, он изменил решение.

– Пожалуй, самим нам не справиться. Мне нужно позвонить кое-кому. Нам помогут.

Он решительно встал и направился к входной двери. Виталий услышал, скрип ключа, проворачивающегося в замке и удаляющие шаги по коридору. Он, не отрываясь, смотрел на мертвых девушек и отказывался верить в происходящее. Прошло более получаса, прежде, чем Виталий услышал возню у двери и в комнату вошел Андрей.

– Ну, вот и все, – устало проронил он. – Ждать осталось недолго, – он подошел к столу. – Пить будешь? – вновь спросил он у понуро сидящего Виталия.

Тот отрицательно покачал головой.

– А я выпью.

Какое-то время они сидели молча. Тяжелую паузу прервал легкий стук в дверь. Андрей осторожно подошел к двери и прислушался.

– Открывай Андрюха, это мы, – услышал Виталий мужской голос.

Андрей отпер дверь и в комнату вошли двое мужчин крепкого телосложения.

– Да, – после небольшой паузы изрек один из них, рассматривая мертвые тела на полу, – погуляли на славу, – и, обращаясь к спутнику, приказал, – упаковываем.

Они растянули на полу два больших куска брезента и принялись за работу. Виталию стало плохо. Он выскочил в туалет. Рвало его долго и мучительно. Затем он долго стоял над умывальником, пытаясь привести себя в порядок. Через приоткрытую в туалете щель видел, как выносили тела девушек.

«Как они вынесут тела незаметно? – мелькнула мысль, – внизу дежурная».

Дальше оставаться в комнате он не мог. Выйдя в коридор, направился в холл, примыкающий к лестничному маршу. Там было темно и прохладно. Тошнить перестало. Наощупь нашел диван и изнеможенный упал на него, откинувшись на спинку. По лестнице поднимались знакомые Андрея. Он узнал их по голосам, хотя и говорили они тихо.

– Что там с дежурной? – спросил старший.

– Умерла естественной смертью. Инфаркт. Возраст и все такое прочее, – обстоятельно разъяснил напарник. – Через три – четыре часа препарат в крови уже не обнаруживается. Пока кинутся, пока то да се....

– Понятно. Надо быстро решать с этим пацаном, соседом Андрея.

– Как распорядился шеф?

– Версия такая. Парень пригласил проститутку, что-то у них там не заладилось. В итоге два трупа. Когда пришел в себя, понял что натворил. Выглядит все логично.

Андрей с замиранием сердца прислушивался к удаляющимся шагам. Когда шаги стихли, осторожно поднялся с дивана и направился к лестничному маршу. На втором этаже, в торце здания, есть выход на пожарную лестницу. По ней, не привлекая ненужного внимания, можно спуститься вниз. Рядом с общежитием пустырь, за пустырем лесопарк. Он спешил, стараясь не создавать лишнего шума и не привлекать к себе внимания. Сейчас его жизнь зависела от того, насколько удачно он реализует свой план. Оказавшись на земле, стремглав бросился через пустырь. За лесопарком начинался жилой микрорайон. Там можно было укрыться на какое-то время. Чердак пятиэтажного дома показался ему наиболее безопасным местом. Здесь его вряд ли станут искать. Сейчас ему надо было выиграть несколько часов. Виталий приподнялся на локте и прислушался. Ни одного постороннего звука. Надо переждать. Нервы на взводе. Успокоиться и переждать, а затем действовать по обстоятельствам. Он потянулся и зевнул, глаза слипались, и хотелось спать. Давали о себе знать алкоголь и нервное напряжение последних нескольких часов.

Павел Григорьевич Огородников, следователь районного отдела внутренних дел, сидя за столом, лениво перелистывал документы, время от времени позевывая и прикрывая ладонью рот. Он оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на настенные часы. До полуночи оставалось семнадцать минут.

«Пора собираться домой, – подумал он, все еще оттягивая время ухода с работы».

Его нежелание быстро встать и покинуть служебный кабинет объяснялось не огромной всепобеждающей любовью к работе, и не чрезмерной загруженностью делами. Хотя, справедливости ради стоит заметить, что праздное время в работе следователя убойного отдела практически отсутствует. Здесь было нечто другое. Огородников физически ненавидел те минуты и часы, в течение которых ему приходилось добираться с работы домой, равно как и из дома на работу. Не любил и всячески оттягивал наступление этого времени. Где-то глубоко в душе он осознавал, что крути не крути, а все равно, рано или поздно, придется встать, надеть куртку и отправиться домой. Деваться некуда. Когда в результате мучи-

тельной внутренней борьбы между нежеланием выходить на сырую улицу под моросящий дождь и потребностью в отдыхе на своем любимом домашнем диване победило прагматическое чувство, раздался телефонный звонок. Дежурный сообщал, что в лесопарке, примыкающем к политехническому институту, обнаружены два женских трупа и следственная группа уже готова к выезду.

На месте обнаружения тел дежурила скорая помощь, здесь же крутился участковый, который, собственно, и забил тревогу. Трупы молодых девушек были найдены неподалеку от центральной аллеи парка. Наметанным глазом Огородников определил, что, скорее всего, девушки были убиты не здесь, о чем свидетельствовали их позы и явное отсутствие следов борьбы.

– Скорее всего, убили их не здесь, – подтвердил догадки следователя судмедэксперт Корнеев Александр Николаевич.

Огородников в знак согласия кивнул головой.

– Кто их обнаружил? – спросил он у участкового.

– Студенты, – кивнул участковый в сторону молодой пары, стоящей в стороне.

Огородников подошел к молодым людям.

– Расскажите подробнее, как вы обнаружили убитых девушек.

– Мы гуляли по аллее, – после паузы начал парень и замолчал.

– Гуляли, дальше что? – настойчиво пытался извлечь из парня информацию Огородников.

– Ну и обнаружили...., – неуверенно ответил тот.

– Как обнаружили? Меня интересуют подробности. Ведь с аллеи тел не видно.

Парень вновь надолго замолчал. Наконец заговорила девушка.

– Понимаете, Алексей, – она вопросительно посмотрела на парня, в большом смущении рассматривающего носки собственных кроссовок, – он как бы пошел вглубь парка, – она указала рукой в сторону, где трудились эксперты, – по делам.

– По каким делам? – не понял Огородников, и тут внезапно его осенило. – По нужде, что ли?

Оба быстро кивнули.

– Понятно. Может быть, вы кого-то видели? – без всякого энтузиазма спросил Огородников.

Студенты отрицательно качали головами.

– Что-то слышали?

– Шум двигателя автомобиля, – вспомнила девушка. – Я еще удивилась, автомобиль должен был выехать сюда, на аллею, но не выехал.

– Кого-то из своих – студентов, преподавателей не встречали?

– У входа в парк стояли ребята, курили. Кажется они с третьего курса машиностроительного факультета.

Девушка назвала несколько фамилий. Огородников добросовестно пометил в блокноте.

– Вам обоим надо будет завтра подойти в райотдел, в двенадцатый кабинет, и письменно оформить показания.

Студенты согласно кивнули. Огородников отпустил их и подозвал участкового.

– Это точно, что из парка только один выезд? – спросил он.

– Совершенно точно, – подтвердил участковый.

– Тогда куда могла деться машина?

Участковый в недоумении развел руками.

– Пройди по аллее и проверь там все вокруг, – распорядился Огородников. – Не могла же она испариться, эта чертова машина.

Огородников повернулся и натолкнулся на студента, которого только что отпустил восвояси вместе с девушкой. Теперь тот был один.

– Тебе что? – поинтересовался следователь.

– Я подумал..., что это может Вам пригодиться, – стал он мямлить, стараясь не смотреть следователю в лицо.

Огородников не любил людей, которые не могли четко и ясно излагать мысли. Как правило, они долго и нудно говорили о чем-то, напрямую не касающемся интересующего дела, и когда, наконец, добивались до сути повествования, собеседник находился уже в крайней степени раздражения, вызванного подобной манерой общения.

– Так что ты хотел сказать?

– Девушки, – неопределенно сказал парень.

– Что девушки? – не понял следователь.

– Я о тех мертвых девушках. Я их знаю.

– Прекрасно. Кто они такие, как их имена? – оживился Огородников, вновь вынимая блокнот из нагрудного кармана куртки.

– Проститутки.

– Эти девушки проститутки, не студентки.

– Нет. Они постоянно крутились возле общежития, ловили клиентов.

– И сегодня они там были?

– Я не знаю, не видел.

– Хорошо. До завтра.

Парень ушел.

– Мы закончили, можно забирать тела? – подошел к Огородникову Корнеев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.